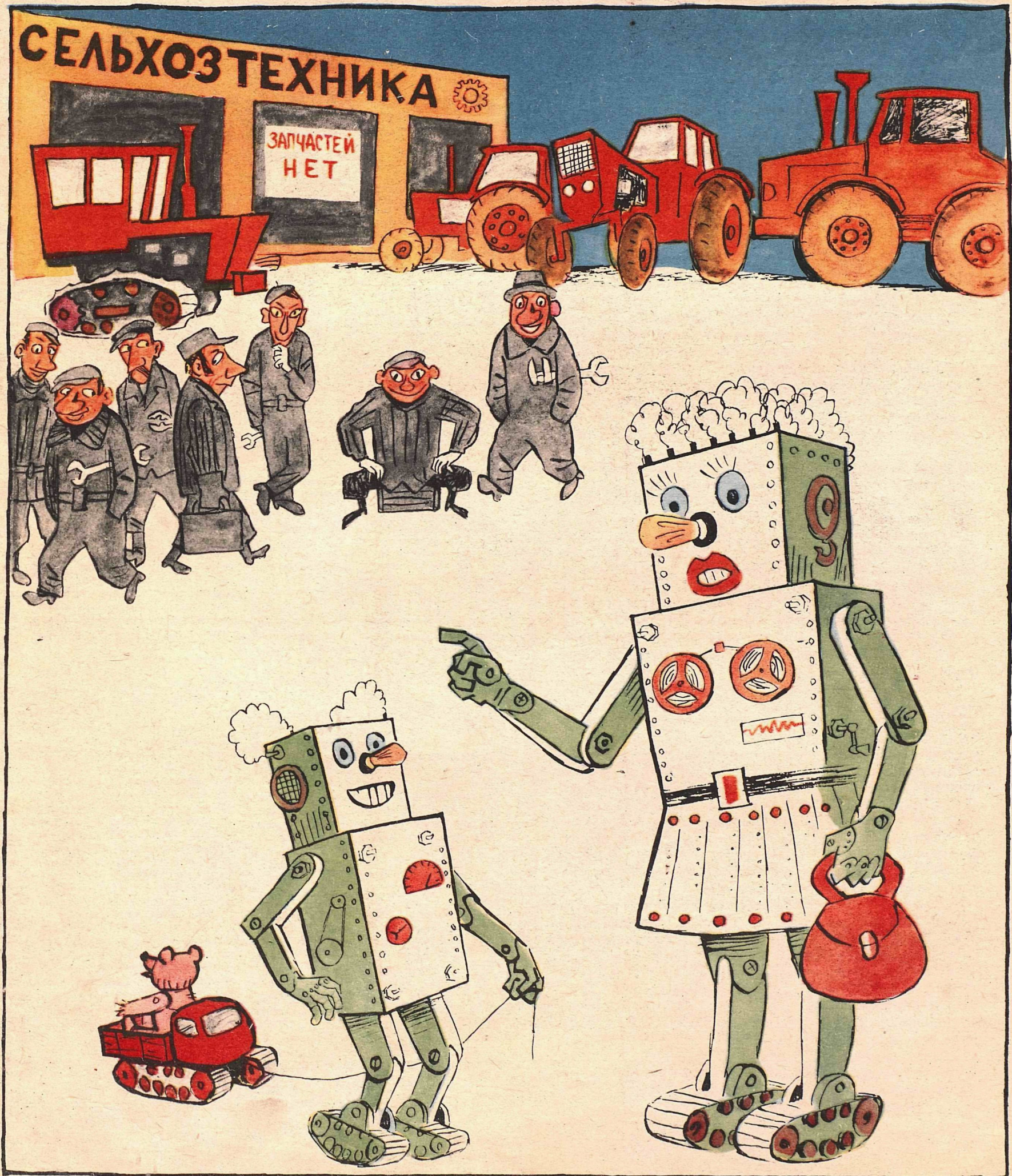

КРОКОДИЛ

15
1979

— Туда, сынок, не ходи — разберут на запчасти!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

«Выдали мне на работе справку для райсобеса, второпях или по небрежности перепутали инициалы. Сколько пришлось из-за этого маяться!».

Я. Собинов, гор. Куйбышев.

ЗА ЧУЖИЕ ГРЕХИ...

Одного моего знакомого попросили съездить в Киев. Выступить на семинаре. Вручили ему командировку и предупредили: «Выезжать завтра, таким-то поездом. Вот билет, пожалуйста, не опоздайте». «Что вы, я человек пунктуальный!» — воскликнул он и побежал готовиться к отъезду.

В радужном настроении мой знакомый примчался на вокзал, предъявил билет, занял свое место, облачился в спортивные рейтузы, как вдруг дверь купе открылась и на пороге появилась прекрасная незнакомка.

Предвкушаете пикантное дорожное приключение, читатель? Сейчас дама мило улыбнется, а наш на глазах помолодевший герой резво бросится откупоривать припасенное шампанское. Как бы не так! Дама не улыбнулась, а предъявила свой билет и суровым тоном потребовала освободить ее законное место. Ах и ох! Мужчина побледнел и стал поочередно хвататься то за свой билет, то за сердце. Оказалось, что его билет был на вчерашний поезд. Он тут же без лишних препирательств освободил чужое место, дрожащими руками собрал вещички и пытался выпрыгнуть на ходу, чтобы пешком вернуться в Москву и обругать учрежденческого курьера, который покупал для него билет. Проводник едва удержал его за полу пиджака и великодушно разрешил переночевать в служебном купе.

Вот такой мелкий, казалось бы, не заслуживающий внимания широкой общественности случай произошел с моим знакомым. Однако же каким бы мелким он ни был, из-за него поволновался хороший человек. И даже выступление на семинаре не доставило ему ожидаемой радости. И все из-за чего? Из-за чужой глупой небрежности.

Но сейчас я не буду заострять ваше чувствительное внимание на грустных обстоятельствах, а расскажу об одной анекдотической, вполне в духе Крокодила, истории. Регистрировалась в загсе одна симпатичная молодая пара. Все было как и положено в подобном высокотожественном случае. Напутственная речь официального лица, взаимное надевание колец, свадебный марш, суэта фотографа и вспышки блица, дробный стук бокалов с пенящимся шампанским.

И только дома, за свадебным столом, счастливый жених из чистого любопытства заглянул в свой паспорт. И тут же его улыбку словно сдуло с лица. Вокруг по-прежнему смеялись, пили, ели, разговаривали, а он все никак не мог прийти в себя. Наконец он обрел дар речи и, заикаясь, сообщил притихшим гостям, что женой его является вовсе не та милая девушка, что сидит рядом с ним, а другая, ее близкая подруга. Посыпались вопросы: «Как? Что? Почему?»

Оказалось, в брачном свидетельстве и в паспорте молодого человека регистратор загса в суматохе записала фамилию свидетельницы — одной из подруг невесты. Жениха стали успокаивать: ничего, мол, все это можно исправить. Но он оказался крайне принципиальным и наотрез отказался что-либо делать. «Я не могу идти против закона, — заявил он. — Раз она теперь моя жена, давайте спросим, согласна ли она менять запись». На что девушка без колебаний заявила: «Пусть все так и останется». Как видно, «супруг» и ей нравился.

Вот так одна маленькая ошибочка может круто изменить судьбу человека.

Рассветович

Рисунок И. НОРИНСКОГО

— Я шел, понимаете, на Кавказ, а попал в Арзамас!

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«МАМА № 236 В БОЧОНКЕ
С ЯБЛОКАМИ»
№ 4, 1979 г.

Герой фельетона Е. Дубровина долго пытался уловить зловещий смысл этой телеграммы. И, конечно, не сумел. Как, впрочем, и многие другие получатели загадочных криптограмм...

Этот фельетон, сообщил редакции начальник главного телеграфного управления Министерства связи СССР тов. С. Марценица, обсуждался на коллегии министерства, где присутствовали министры связи союзных республик и начальники производственно-технических управлений. Материал обсуждения направлен на места для принятия необходимых мер, исключающих искажения текстов телеграмм.

«СОВЕСТЬ С КОРРОЗИЕЙ»
№ 6, 1979 г.

Сотрудники Саратовского юридического института А. Панов и В. Шабалин внесли свежий вклад в технологию плагиата. В свою книгу, изданную Саратовским университетом и, между прочим, «трактующую ряд принципиальных положений по формированию высокоответственной личности», они вписали более двадцати страниц текста, заимствованного из

хранившейся в библиотеке рукописи — вот она, новизна! — диссертации воронежского коллеги. Об этом неэтичном поступке было рассказано в фельетоне В. Комова «Совесть с коррозией».

Как сообщили редакции ректор Саратовского юридического института имени Д. И. Курского тов. В. Борисов и секретарь парткома тов. Ю. Панихин, этот факт был предметом разбирательства на ректорате, в парткоме и совете института. За нарушение авторского права и этики ученого А. Панову вынесен строгий партийный выговор, кроме того, он освобожден от должности заместителя декана факультета и и. о. заведующего кафедрой. Ему предложено извиниться перед автором диссертации А. Дьяковым и при последующих публикациях восстановить научный приоритет воронежского ученого. Редакционно-издательскому отделу института предложено изъять из продажи книгу А. Панова и В. Шабалина.

Что касается В. Шабалина, то он был приглашен на заседание парткома института, где ему было указано на нарушение научной этики. Ректорат и партком Саратовского юридического института разработали меры, которые помогут более эффективно вести контроль над издаваемой литературой.

«ТАВОТУСТОЙЧИВАЯ ФОРЕЛЬ»
№ 15, 1978 г.

Чуден Днепр при тихой погоде!.. Это — так, но некоторые организации г. Днепропетровска в любое время загрязняли его промышленными отходами. Вот о таком загрязнении Днепра и рассказывалось в фельетоне М. Львовского.

Днепропетровский горком КП Украины сообщил редакции, что фельетон был рассмотрен на бюро горкома. За варварское отношение к днепропетровской акватории начальник речного порта Шарков В. А. получил строгий выговор, а директору Приднепровской ГРЭС Оганову В. М. объявлен выговор.

ПОСТИРУШКИ НА СИНАЕ

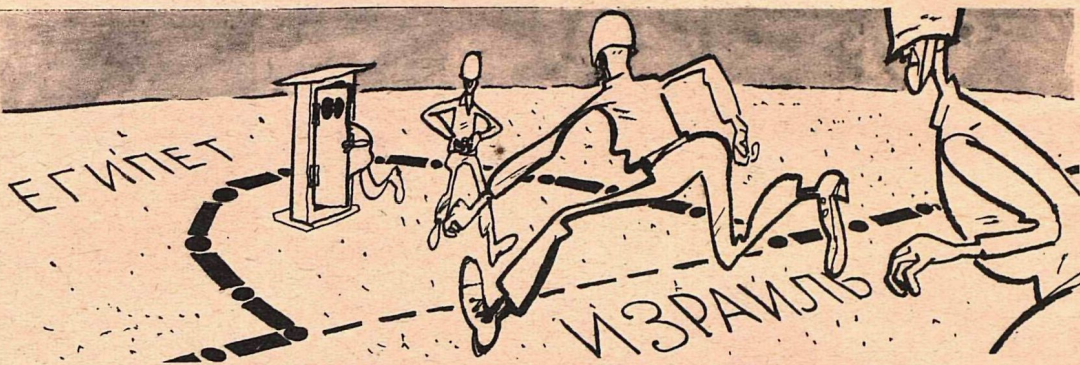
«ПОСЛЕ ВИЗИТА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ИЗРАИЛЯ МЕНАХЕМА БЕГИНА В КАИР СТАЛО ИЗВЕСТНО О ВНЕСЕНИИ ПОПРАВКИ В ЛИНИЮ ГРАНИЦЫ, ЧТОБЫ ПОЗВОЛИТЬ ИЗРАИЛЬСКИМ ВОЙСКАМ СОХРАНИТЬ ЗА СОБОЙ ИХ ГЛАВНУЮ ПРАЧЕЧНУЮ В СИНАЙСКОЙ ПУСТЫНЕ».

(СООБЩЕНИЕ АГЕНТСТВА РЕЙТЕР ИЗ ИЕРУСАЛИМА, ПОДТВЕРЖДЕННОЕ БЕГИНОМ В ИЗРАИЛЬСКОМ КНЕССЕТЕ.)

Ну и чистюля этот Бегин! Прямо-таки восхищаться приходится, как заботится он о том, чтобы его воинство в чистых воротничках на чужой земле пребывало, чтобы не позорило оно замызганностью святое дело оккупации. Но и не в одних только воротничках суть.

А исподнее! Неровен час, и израильским солдатам, как это бывало с другими оккупантами в разные времена, отступить придется на заранее подготовленные позиции в одном исподнем. Государственный ум все обязан предвидеть и предусмотреть. Исподнее тоже должно сверкать белизной!

Нелегко, говорят, Бегину было уговорить Садата прачечную за Израилем оставить. Садат сразу смекнул: на примере этой прачечной его хотят приучить ко всяким возможным израильским поправкам в линию границы на Синае. Сегодня прачечная, а завтра Бегин потребует сохранить для израильской армии доступ к солдатским нужникам на Синае. А почему нет! Не в Тель-Авив же чесать служивому с границы, если приспичит! Ну, и, естественно, придется взять каждый «скворечник» в

кольцо из колючей проволоки радиусом миль в пятьдесят, не больше. Не оккупации ради, помилуйте, а только во имя светлых принципов санитарии и гигиены!

Садат было попробовал воспротивиться, но израильский премьер остался непреклонен.

— Прачечную не отдадим, — отрубил он и, кое-что вспомнив, прибавил: — Иерусалим, сектор Газы и западный берег реки Иордан тоже не отдадим. Это для нас святыни.

Тут уж, вероятно, Садат испугался, что разочарует американских миротворцев, которые еще в Кэмп-Дэвиде его просили святынь Израила не касаться. Ну, а раз прачечная тоже святыня, пришлось еще чуть-чуть уступить Бегину.

«Да и почему, собственно говоря, Бегину! — рассуждал каирский президент, сам себя успокаивая. — Не одни же израильские стираются на Синае будут». Кто не знает, что привыкшие к комфорту американские солдаты тоже любят оставаться чистенькими, какими бы де-

лами им ни приходилось заниматься от Доминиканской республики до Индокитая! Скоро они по кэмп-дэвидскому договору начнут прибывать на Ближний Восток в массовом количестве. А они, конечно, только Бегину и его людям свое белье в стирку могут доверить.

А тем временем Бегин уже докладывал в кнессете о своей очередной победе. А когда доложил, передали ему записку из зала. Таковую записку, что, прочитав ее, Бегин прямо расцвел лицом и в плечах раздался.

Что там было написано — процитировать не можем, не видали. Но осведомленные источники утверждают, что им доподлинно известно содержание этой записки. Один из депутатов кнессета сообщил о радостной реакции в Пекине на вышеизложенные события. Дескать, Дэн Сяопин предлагает подослать на Синай три-четыре дивизии опытных прачек-китайцев...

Дежурный телетайпист
Виктор САМАРИН

Рисунок В. ШКАРБАНА

МИМОХОДОМ

Чтобы расписаться в собственной слабости, иной раз нужна твердая рука. Изыщная бессловесность.

Б. ЛЕБЕДЕВ

Сколько можно увидеть, если продать телевизор!

В. ЛОМАНЬИ

Не теряйте стыд: он придает цвет лицу.

Лучше всего сохраняются испорченные отношения.

Если место крадит человека, значит, в этом человеке далеко не все прекрасно.

Кирилл КЮДОВ

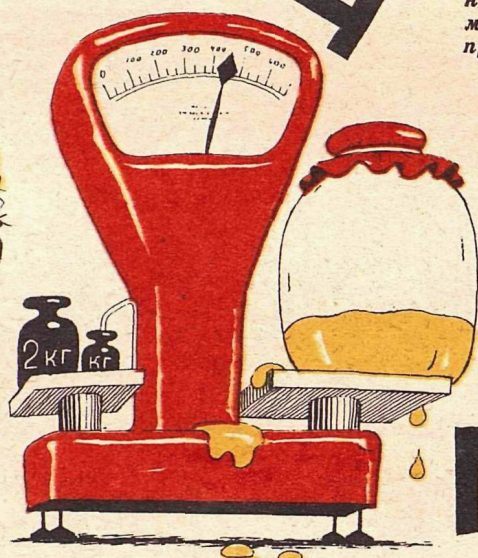
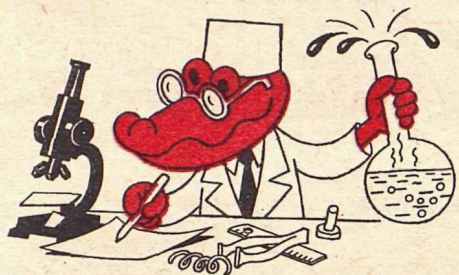
Не каждый человек умеет оживить разговор своим отсутствием.

Чем меньше ум, тем труднее его скрыть.

М. ГЕНИН

КРОКОДИЛЬСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Р. КИРЕЕВ,
специальный
корреспондент
Крокодила

Предусмотрели все. Еще в Москве я перестал бриться, а в Ставрополе старый друг снабдил меня выдавшим виды пальто и потертой меховой шапкой. Нацепив их, я поглядел на себя в зеркало, прищурился и проговорил баском:

— Кому медку? Чудесный полифлорный медок, недорого отдаю.

Фотограф собирался запечатлеть меня за этим занятием, дабы вы, читатель, могли увидеть собственными глазами вашего корреспондента в роли продавца меда. Утвердили название репортажа — «Как я продавал мед» и даже определили рубрику: крокодильский эксперимент.

Если помните, нечто подобное уже было в «Крокодиле». Только не мед продавал фельетонист В. Надеин — барана, о чем обстоятельно поведал в 35-м номере журнала за 1966 год. Правда, без фотографии. Но данное обстоятельство не отразилось на пафосе того давнего сочинения, написанного в защиту сельских тружеников, которые вывозят на колхозный рынок излишки продуктов.

Что изменилось за истекшие годы? Отношение к тому, кого некогда унижительно именовали «частником». Ныне это уважаемый владелец приусадебного участка, индивидуального скота или, например, собственных ульев. Слышите: **уважаемый**. Вот только всегда ли и всеми ли? На этот вопрос и должен был ответить эксперимент.

Для того, чтобы провести его, недостаточно, как вы понимаете, выдавшего виды пальто, потертой шапки и даже конспиративно припрятанного фотографа со вспышкой. Как минимум требуется еще мед. И он был. Около четырех пудов его хранилось в камере хранения ставропольского рынка вот уже пять месяцев. Когда его хозяин М. Г. Козаев сунулся было продать его — впервые в жизни! — санитарные врачи потребовали паспорт пасеки.

Михаил Григорьевич удивился. Вот мед, рассудил он, а вот лаборатория, и вот люди в белых халатах. Пусть люди в белых халатах возьмут стакан меда, помудрят над ним и скажут авторитетно, не опасно ли данное кушанье для здоровья соотечественников.

Однако Михаил Григорьевич — че-

ловек дисциплинированный. Без единого слова сел он в автобус и укатил в замечательное село Бешпагир, где трудился шофером в колхозе.

На другой день он привез требуемый паспорт. Повертели его санитарные врачи во главе с заведующей мясо-молочной пищевой станцией Людмилой Степановной Трубицыной, помудрили над ним, как полагалось бы им помудрить над медом, и заявили, что недостает тут отметки о двух инфекционных болезнях: так называемом гнильце американском и так называемом гнильце европейском. Поэтому необходима еще справка.

Михаил Григорьевич удивился. Если выдают паспорт, рассудил он, значит, с пчелами все нормально, а иначе зачем его выдают?

Но промолчал. Но сел в автобус и укатил в замечательное село Бешпагир за дополнительной справкой.

В справке, которая через два дня была положена на стол Людмилы Степановны, стояло: «С инфекционными заболеваниями по местности благополучно», — однако заведующей станцией не понравился почерк, которым она была выписана, и цвет чернил. В паспорт вложила она ее, а паспорт сунула в стол, после чего сказала: «Ступайте!» — и занялась текущими делами.

Их у нее множество. Со всех концов прут на рынок люди — с мясом и яйцами, творогом и салом, простоквашей и грибами. Со страхом входят они в помещение станции. Не с гордостью, не с достоинством труженика, создавшего продукт, а со страхом и томлением под ложечкой. И мольбой в глазах: «Не загубите!»

Это витающее среди потенциальных продавцов настроение передавалось и нам — Козаеву и мне, облаченному в уже знакомое вам пальто,

темные очки и подержанную шапку. Ветеран Великой Отечественной войны Михаил Григорьевич волновался так, как, наверно, не волновался, когда высаживался вторым десантом на Малую землю. Неужто тут было страшнее?

Мы не сомневались, что уж за пять-то месяцев отобранные документы давно проверены. Сейчас у нас возьмут пробу меда, и завтра утром мы сднем за прилавок. Фотомастер уже готовил пленку.

В целях конспирации Козаев звал меня «племяшом», а я его — дядей Мишей.

— Здравствуйте! — не без подобострастия наклонили мы головы, но суровый взгляд и полное молчание были ответом нам.

Когда на другой день неуклюжий «племяш» превратился в корреспондента «Крокодила» в щеголеватом пальто, галстуке и берете, Людмила Степановна явила себя олицетворением вежливости. Улыбка ее была обворожительна. манеры безукоризненны, а в голосе таял тот самый мед, который мы тщетно пытались продать на ставропольском рынке.

— Мы насчет меда, — проговорил

ней нашей жизни, на рынках почему-то утрачивает свою силу. С давних времен живет во многих из нас сознание, что раз человек стал за прилавок, то кто он? Ну, конечно же, ловчила.

Четверть века назад я, одиннадцатилетний крымский мальчуган, отважился продавать на базаре укроп. Росло его видимо-невидимо на пустыре у нашего дома. Я собирал его, вязал пучки и в шесть утра стоял уже с дерматиновой сумкой, алюминиевой миской и бутылкой воды за высоким для меня деревянным прилавком. Из полтинников и двугривенных (тогдашние цены!) медленно складывался образ будущего велосипедиста с сияющими спицами. Я так и не заполучил его. Меня застучал кто-то из учителей, и грянуло разбирательство, где какие только не фигурировали слова!

Это осталось. И я ловлю себя на том, что даже сейчас, творя этот фельетон в защиту «частника», не хотел бы увидеть на рынке свою дочь, торгующую яблоками. Теми самыми яблоками, что гниют у нас на участке в урожайные годы. Велосипед? На тебе велосипед, на тебе аквариум,

КОТОРЫЙ ПРОЗАЛИЛСЯ

Козаев, а я выразительно посмотрел на стулья, но хозяйка кабинета игнорировала мой взгляд.

— Сидите, пожалуйста! — с очаровательной любезностью предложила она корреспонденту «Крокодила», даже не взглянув на его документы, а только увидев галстук и берет с хвостиком.

— Моя фамилия Козаев, — сказал Козаев. — Пять месяцев назад вы отобрали у меня паспорт и справку. Мы с племяшом хотели б узнать, где они.

— Понятия не имею!

Это была чистая правда. Когда на другой день в беседе с корреспондентом словесный аскетизм сменился словоохотливостью, я узнал, что Людмила Степановна передала документы в краевой ветеринарный отдел Усковой, Ускова же, в свою очередь, тоже передала их кому-то, и где они сейчас, неизвестно.

— Как же нам быть? — робко вставил я слово. — Мы бы хотели продать свой мед.

— Все хотят чего-то продать! — с гневом обобщила Людмила Степановна и в доказательство кивнула на перегородку за которой стояли не дыша граждане с окороками, курицами, говяжьими тушами и распятыми кроликами.

Тут я понимаю ее. Оптику кажется, что все люди на земле охотятся за очками, сапожник убежден, что главная забота человечества — подбить подметки, а служащий рынка считает, что все только и думают о том, чтобы что-то загнать. И не просто что-то, а нечто непотребное. Нудить граждан. Отправить их к праотцам. Всучить мед, где наличествует все — от патоки до отрубей — и лишь мед отсутствует.

Презумпция невиновности, являющаяся одним из краеугольных кам-

только не позорь нас.

Слышите, не позорь! Строить дома и плавить сталь, писать фельетоны, работать санитарным врачом — это почетно, публично снимаем перед этими людьми шапки (и заслуженно!), а поднять на ноги телку, а ухаживать за пчелами, а косить сено для овец, а стричь их, а тащить свиную тушу на рынок, а стоять на нем десять часов кряду, ибо никакие скамеечки не предусмотрены никакими типовыми проектами — это не труд. И стало быть, деньги, полученные за это — не трудовые деньги, а дармовые и нечестные. (Уносят с рынков и такие, но не об этих людях сейчас речь; о них исчерпывающе говорит уголовный кодекс.)

Видите, Людмила Степановна, вы не одиноки в своем органическом презрении к «частнику». Все мы маленькую внесли сюда посылную лепту. И потому на кого пенять, когда в ответ на мой вопрос, нельзя ли посмотреть правила ветеринарно-санитарной экспертизы меда, заведующая станцией осведомилась с сарказмом:

— А больше вы ничего не хотите?

Не корреспонденту, естественно, было брошено это — «племяшу», торговцу, частнику, который, видите ли, возмел наглость сунуть нос в правила, по которым принимают его продукцию. Корреспонденту же сказали: «Сделайте одолжение!» — и даже подарили один экземпляр правил на память.

Тут мой «дядя» побледнел. Я, приехавший из Москвы по его делу, был в некотором роде его подопечным, и как он, прикавказский человек, мог допустить, чтобы с его гостем разговаривали в таком тоне!

— Вы знаете, кто это? — грозно промолвил он, и у меня сердце упа-

ло: сейчас провалит все.

— Дядя! — выдохнул я.

— Ступайте вон! — спокойно сказала заведующая. — Вы мешаете мне.

— И мне тоже! — поддержала лаборантка Ковальчук. — Мы работаем.

— А я не работаю? — возмутился дядя. И поправился: — Мы с племянником — мы, что ли, не работаем?

— Сейчас милицию вызову, — пообещала Людмила Степановна.

— Может, все-таки возьмете пробы? — взмолился я, все еще не оставив надежды повторить давний эксперимент моего коллеги.

Ответа не последовало. Ни на этот, ни на все другие вопросы, которые вздумали задать административному лицу распоясавшиеся медовладельцы.

Тогда-то и пришлось менять ампулу. Пришлось представлять в образе корреспондента и заново задавать те же вопросы.

— Покажите, пожалуйста, инструкцию, согласно которой вы изъяли документы.

Не показала. При всем своем положительном отношении к прессе вообще и «Крокодилу» в частности не показала, ибо нет в природе такой инструкции. Иные органы существуют для изъятия документов, Трубицына же делать этого не имела права. Разумеется, она его уважает — право, но стоит ли говорить о нем применительно к частникам!

Тем временем я пытался рассуждать логически. Если выписывается паспорт пасеки, рассуждал я, и если выдается справка, то уж наверняка делаются все необходимые проверки, в том числе и на эти самые американско-европейские гнильцы. И попросил показать мне положение по выдаче паспорта, но его не оказалось. Ни на станции, ни у главного ветеринарного врача города С. Е. Малюштанова, ни в краевом ветеринарном отделе. Равно, как и типовых паспортов или санитарных справок. Пять месяцев мытарит ветеринарная служба края пчеловода Козаева за то, что ее же сотрудники неправильно оформили документы, а как оформлять правильно, неизвестно никому.

Накладка, формалистический нюанс... Но вот вам живой пчеловод, который на три дня оставил свой грузовик в колхозе, чтобы продать излишек продукта, вот мед — возьмите, сколько надо, и установите лабораторно, заражен ли он этим самым международным гнильцом или нет.

— Это невозможно, — твердо сказала заведующая станцией дипломированный врач Л. С. Трубицына. — По меду здесь ничего не узнаешь. Только по пчелам и сотам. И вообще, все это можно определить лишь летом, на пасеке.

— Значит, ему еще полгода ждать — до лета?

— Значит, да...

Я прошу прощения у дипломированного врача Л. С. Трубицыной, но, пожалуйста, Людмила Степановна, поверните голову налево. Видите, лежит у вас на полке стопка «Правил ветеринарно-санитарной экспертизы...»? Тех самых, один экземпляр которых любезно преподнесен в дар «Крокодилу». Возьмите эту брошюру и откройте ее на странице 19. Там подробно изложены «методы определения возбудителей гнильцовых болезней в меде». И сделать это можно за два дня, мед же пролежал в камере хранения пять месяцев.

Так и не удалось нам с Козаевым продать его. Я уехал в Москву, провалив эксперимент, а он — в замечательное село Бешпагир, поклявшись на прощание:

— Чтоб я еще когда-нибудь сунул-ся на рынок!..

г. Ставрополь.

ПРИСПОСОБИЛИ

Рисунок Е. ГУРОВА

В НАШЕМ ЦЕХЕ

Благородная деятельность наших книжных издательств постоянно проявляет свои разные грани. «Ничто не сближает людей так, как общая книга», — решили недавно работники издательства «Советская Россия» и выпустили сборник рассказов киевлянина Александра Каневского и москвича Леонида Наумова. Половина рассказов здесь написана А. Каневским без посторон-

ней помощи. Другая половина в полном одиночестве создана Л. Наумовым.

Сборник иронически назван «СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА». Иронически — потому что случайной такую встречу не назовешь по двум причинам. Во-первых, потому, что рассказы А. Каневского и Л. Наумова часто появлялись на страницах периодических изданий и читатели хотели встретиться с ними в книге. Во-вторых, издательство «Советская Россия», стремясь расширить репертуар эстрадной художественной самодеятельности, регулярно выпускает сборники произведений сатирического жанра, за что многочис-

ленные читатели очень им благодарны.

В библиотеке «Огонька» вышел сборник юмористических рассказов Н. Елина и В. Кашаева. Все рассказы написаны на одну тему — о цирке. Сборник так и называется: «ЦИРК УЛЫБАЕТСЯ».

Книгу литературных воспоминаний о творчестве видных советских украинских писателей, выступавших и в жанре сатиры и юмора, написал Е. Мартич. Сборник этих новелл — размышлений «ЗДРАВСТВУЙ, УЛЫБКА!» вышел в киевском издательстве «Радянський письменник». Автор рассказывает о своих встречах с Александром

Корнейчуком, Остапом Вишней, Ярославом Галаном и другими мастерами, оказавшими немалое влияние на развитие советской украинской юмористики и сатирической публицистики.

В алма-тинском издательстве «Жалын» вышла книжка сатирических рассказов казахского литератора Г. Ахметчина под названием «КУ-КАРЕ-КУ!».

Издательство «Советский художник» выпустило очередной альбом из серии «МАСТЕРА СОВЕТСКОЙ КАРИКАТУРЫ». На этот раз его автором является известный крокодильский художник Евгений Щеглов.

НЕХОРОШИИ ТЫ, ДЕДУШКА

Яростное рыжее солнце полахает на выцветшем небе. Во дворе под кустом валяется Чап, эрдельтерьер, прячется от жары. Жужжат мухи. Атакуют ленивая истома.

И нипочем не написать фельетона, если б не тема. Тема бодрящая, рождественская. С хрустким снежком, колкими морозами, веселыми зимними каникулами.

Девятнадцать саратовских школьников отправлялись на каникулы в Гагру по турпутевкам.

(СПРАВКА: поезд Саратов—Ростов, отправление 1 января 1979 года, вагон 7.)

Вдруг новость. Места в вагоне заняты еще вчерашними, точнее, прошлогодними пассажирами, которые должны были выехать 31 декабря 1978 года, да по пустяку задержались: не подали им поезда. Что теперь? А ничего, распихали ребят по багажным полкам, по двое на место. Холод, угля нет, водопровод замерз. Дети хотят пить, а уж о чае смешно и заикнуться, коли простой воды нету. Туалеты закрыты. Поезд вышел с запозданием на пять часов. Отсутствие элементарной вежливости у проводницы отчасти уравновешивалось присутствием легиона тараканов.

Ох, красочно описывает И. И. Закин, руководитель ребячьей группы, все дальнейшие приключения отдыхающих школьников. Тут и закрытые буфеты, и прячущаяся от возмущенных пассажиров администрация саратовского вокзала, и опоздание в Ростове на пересадку, и непечатные откровения проводника при очередной посадке детей.

(СПРАВКА: скорый Москва—Сухуми, отправление из Ростова 2 января, вагон 16.)

А не влезает все это в фельетон: ведь подпирают, теснятся, размахивают фактами другие, не менее потерпевшие.

Вслушайтесь: почти полгода прошло, а и сейчас явственно доносится зубное клацанье. Так сильно промерзли в Москве, на Павелецком вокзале, легкомысленные пассажиры, возжелавшие уехать в город Камышин.

(СПРАВКА: поезд № 491, отправление по расписанию 30 декабря в 1 час 40 минут. Отошел с опозданием на 14 часов 20 минут.)

В предновогоднем вокзальном помещении температура была сильно ниже нуля. Каждые полчаса вещалось

по радио: не расходитесь, пассажиры, вот-вот подаем состав! И все четырнадцать часов люди танцевали, аплодировали сами себе, производили физзарядку. В короткие перерывы дышали на пальчики замерзшим ребятишкам.

Ах, да при чем тут эмпээс, воскликнем мы, скрупулезно стремясь к справедливости. Возникло небывало стихийное бедствие, дедушка Мороз оказался на диво злым и упорным. Легко ли предвидеть и упредить такое? Совсем не легко же. А коли завтра вспучится вулкан на месте Савеловского вокзала, имеющего находиться визави редакции журнала «Крокодил»? Снова, что ли, винить Министерство путей сообщения?

Нет. Дед Мороз виновен. Он и только он!

Взяв нехорошего деда за бороду, подведем его к другим обличающим фактам.

В поезде Москва—Караганда была заморожена система водоснабжения.

(СПРАВКА: поезд № 110, отправление 28 декабря, вагон 1.)

Вагон был предельно забит пассажиром, сайра бланшированная чув-

В «Крокодиле» № 1 был напечатан фельетон «Летайте самолетами Аэрофлота!», рассказывавший о неполадках в обслуживании железнодорожных пассажиров.

Последовал взрыв читательских откликов. От взрыва кое-где дрогнули рельсы стальных магистралей. Сегодняшний фельетон смонтирован из наиболее любопытных фактов, присланных читателями.

ствует себя в банке намного вольготней. Замерзли двери туалетов. Дважды в пути пытались заправить баки водой, но вода предпочитала разливаться под ногами едущих. Могло бы не быть этого, поддерживай проводницы огонь в топке. Но напугал мороз проводниц, и вынуждены были они немедленно по отпадении поезда напиться—профилактики ради,—а затем опохмелялись почти аж до Целинограда. Тут не до топки.

Не уйдешь, дед! Внимай дальше: вот дребезжит на стыках поезд Куйбышев—Москва.

(СПРАВКА: поезд № 523, прибытие в Пензу по расписанию 29 декабря в 2 часа 02 минуты, фактически прибыл в 10 часов 30 минут. Вагон 15.)

В оконных рамах этого вагона—хорошо если по одному стеклу. А кой-где вообще отсутствие таковых. В тамбуре снега по поясу. За бортом состава температура та же, что и внутри. Бедолаги, как же вы доехали, пассажиры поезда № 523? А вот и доехали: бегали потому что взад-вперед по вагону. Тем и спаслись. Некоторые простыли, не без этого.

Тут ожидают резонные замеча-

ния: ну, мороз, но ведь стекла-то были выбиты! Были бы целы, так и мороз не страшен. Возникает резонное возражение: хорошо, а если бы 29 декабря на дворе было бы градусов двадцать пять тепла, никто и не заметил бы выбитые стекла. Так что никто больше, как треклятый дед виновен.

Среди пассажиров, упомянем кстати, не все были «моржами», то есть морозоустойчивыми любителями зимнего плавания. А может, и все не были «моржами». Поэтому по причине собственной незакаленности и подверглись заболеваниям.

Внезапно на фоне гриппующих пассажиров и матюгающихся проводников нежной поступью надвьюжной возникает очень наивное, какое-то бирюзово-девическое по своей сути письмо: вот сорок недовольных пассажиров с купейными билетами в горсти загружены в плацкартный вагон.

(СПРАВКА: поезд № 627 Уфа—Кумертау, отправление в ночь со 2 на 3 февраля, вагон 8.)

Замерзаний в вагоне не наблюдалось, равно как и тараканов. Проводник чересчур не изъяснялся. Бригадир поезда дружелюбно сказал: не вы первые, граждане, и не последние вы.

Нам бы ваши заботы, сорок недовольных! Не котируется ваш факт, сравнительно он мелок. И на Деда Мороза трудно сваливаем.

Как, например, и такой:

«Живу на станции Отрожка, а работаю в Воронеже. Вот уже двенадцать лет езжу электричками на работу. И вот что я заметил: за последние годы обычным стало явление запаздывания электропоездов. На опоздания в 10—15 минут уже не обращают внимания. Становятся нормой опоздания на час-полтора.

Это пишет бригадир слесарей-сборщиков Ф. И. Петров.

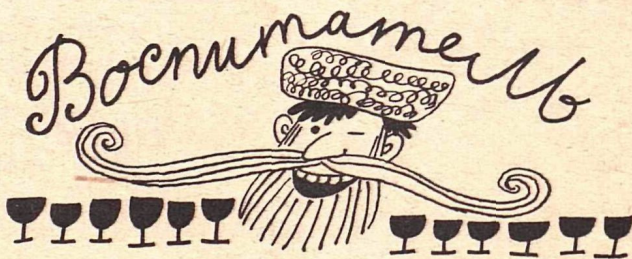
Неужели ж, товарищ Петров, вам трудно было написать, что опоздания эти бывают чаще по зимам? Мы тут же притянули б к ответу этого нехорошего дедушку Мороза.

Впрочем, мелькает спасительная мысль: а вдруг да и жара поездам помеха? Все-таки интенсивнее буксовозгорание, саранчой прет курортник, а ответственных министерских лиц чаще бросает в дрему...

И еще: весеннее половодье...

И нудные дожди по октяблям... Стихия, словом.

Борис МУРТАЗОВ

— Чего ты морщишься, сосед, Опустошая полный рот! Как будто пьешь себе во вред, Как будто рот вином обжег. Твоим гостям глядеть смешно: — Опять скривился! — говорят. — Коль так противно пить вино, Пей молоко, пей лимонад! Сосед ответил: — В тот момент, Когда смеетесь вы, друзья, Я провожу эксперимент— Детей воспитываю я! Пусть верят наши малыши, Что в роге—рвотный порошок. Мой вид детишек устрашит, И это очень хорошо. Пусть знают все, как тяжело Оporожнять бурдюк с вином.

В том бурдюке засело зло, И я воюю с этим злом. Пусть видят, что не легкий труд В застолье проводить все дни... Когда ребята подрастут — Оценят истину они. И надо, чтоб фотограф наш Заснял меня в момент питья... Такой бы фоторепортаж Немедленно размножил я! Висели б снимки в детсадах, На площадях, на всех углах И вызывали страх в сердцах...

— Ну, а пока тех снимков нет, Налей еще! — сказал сосед.

Перевел с осетинского Юрий ЦЕЙТЛИН.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

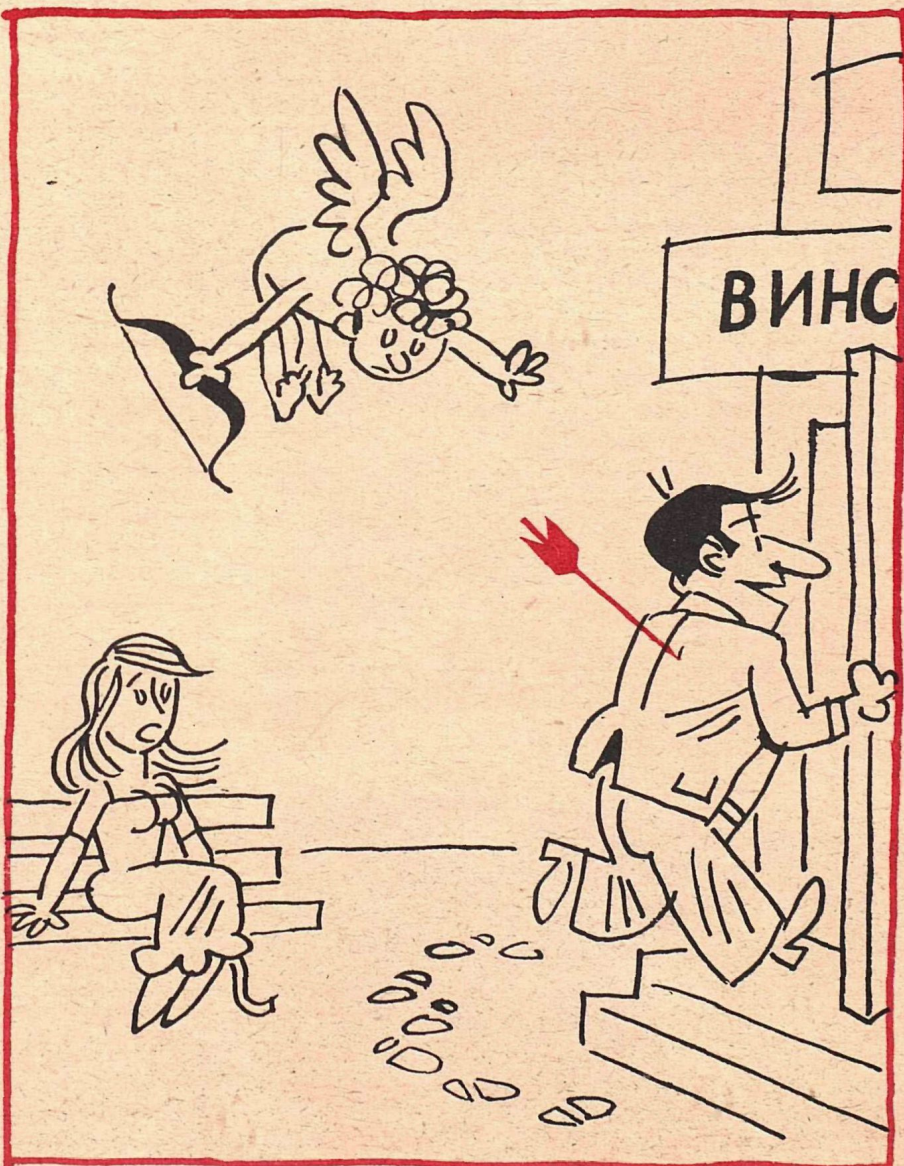
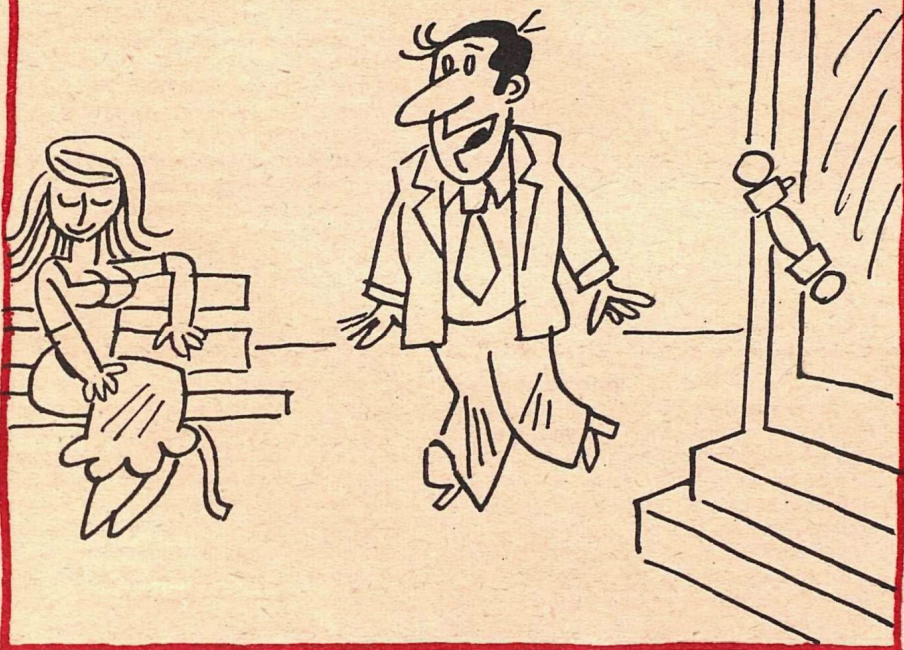

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Не напрасно Виктор Черняк окончил Московский электротехнический институт связи. Он вполне профессионально выходит на связь с тем, что его влечет. Связался с литературой — и в журналах появились его рассказы. Наладил связь с юмором и сатирой — рассказы приобрели соответствующую окраску. Публикует один из них в «Крокодиле», он ждет от наших читателей ответного сигнала: «Есть контакт!»

Виктор ЧЕРНЯК

КТО ЛИШНИЙ?

Собралась как-то компания. Знали все друг друга давно и хорошо. То ли дата какая была, то ли так развееваться пришли, побалагурить за столом, бывшее помянуть, в грядущее заглянуть. Сели, пошумели, по рюмке-другой пропустили. А, надо заметить, все друг другу симпатизировали — вот и гуляли вместе. Уж заканчивался оливье. И вдруг...

Входит в комнату, где застолье, некто в прекрасном костюме, чуть приталенном, брюки не широки, не узки, вокруг шеи повязан наиднотоннейший галстук. Тут наиболее интеллектуальный как брякнет:

— Да это же Вельзевул, самый главный черт.

Пригляделись — и правда Вельзевул. Вместо башмаков на платформе — собственные копытца. И модно, и не жмет, и стопу не деформирует. Заправил Вельзевул кончик хвоста в нагрудный карман и говорит:

— Вот что, ребята. Не буду вам долго голову морочить: мне нужен человек! Сразу скажу для чего — есть буду. Так что между нами полная откровенность и никаких недо-молвок. Я, — говорит Вельзевул, — по натуре либерал, так что право выбора оставляю за вами. Сам на полчаса отлучусь, чтобы не смущать честную компанию, а вы отберите пока, кто из всех лишний. Его и съем.

Тут Вельзевул небрежно кивнул и пропал. Сначала было тихо, потому что многие думали: «Наверное, почувдалась вся эта чепуха». Однако один молодой доктор каких-то там наук не выдержал первым.

— Что же делать будем?

А сам дрожит, и подбородок трясется. Тут и все поняли, что происшедшее — чистая правда и Вельзевул обязательно кого-нибудь съест, раз обещал. Доктор продолжает:

— Проблема выбора жертвы как таковая несложна. Надо только договориться о критерии отбора. Думаю, кто минимум сдал и имеет хорошую математическую подготовку, того оставить.

— Ишь какой умник! — кричит чья-то довольно смазливая жена. — По красоте надо отбирать, по красоте жизнь дарить...

Что тут началось! «По уму!», «По честности!», «По отношению к родителям!», «По сберкнижке!», «По любви к животным!» И много-много других замечательных предложений было высказано.

Доктор в своей докторской голове что-то прикинул и говорит:

— Я предлагаю женщин от этого дела освободить, а среди мужчин выбрать самого никчемного.

Вообще-то доктор женщинам не нравился, поэтому и решил свои шансы повысить рыцарским предложением. А другой мужчина, фатоватый такой (у него, видно, отбоя нет от слабого пола), кричит:

— Что же это такое? Как зарплату — так уравнивать, как то да се — полное равенство, а как на сковородку — табачок врозь. Так не годится. Где же, позвольте, эмансипация? Предлагаю выбирать среди всех — и мужчин и женщин. К тому же все-таки женщины мягче...

Конечно, мужчинам хотелось быть рыцарями, но и погибнуть в расцвете сил не входило в их планы. Поэтому предложение фатоватого приняли, хоть и молчаливо.

А доктор гнет свое:

— Я вот знаю, что среди всех нас только трое не защитились, но двое вроде работают в этом направлении. Так что тот, кто не думает защища...

Тут он замялся, а жена, чей муж не защищается, как заблагит:

— Да я за него, за Васю моего, таких докторов и десяток не возьму. На чужое счастье замахваешься. Подлец, вот ты кто. Тебя и съест! Народ одобрительно загалдел.

Кандидатура просянчалась.

Однако был среди присутствующих человек, который ни за что в жизни не защитился бы в случае безвременной кончины молодого доктора. Жена этого человека набросилась на жену Васи:

— А ты, Наталья, не ломай из себя преданную жену. А кто третьего дня просил ключи от отдельной квартиры? Кто?

Вася сразу остолбенел и спросил: — Действительно, кто? Да, кстати, и зачем?

Тут Света, дольше всех прожившая в браке и понимавшая, чем грозит Наталья хотя бы минута промедления, философски заметила:

— Если за это отдавать на съедение, то надо съест всех присутствующих. И выбирать нечего.

— Совершенно верно, это не повод для съедения. Несерьезно, право! — выкрикнул фатоватый.

— Странно мы подошли к делу, непродуманно, — пробасил самый солидный мужчина. — Нежелание быть ученым или супружеская неверность — это человеческие недостатки. А мы должны найти носителя социального зла. Я вот знаю, например, что Кирюша продал недавно свою машину, а вот спросить бы его...

— Чуть какая-то, — вступился лучший друг Кирюши, — я же не говорю, что кое у кого от икон дома не толкнешься, а у некоторых других столько африканских масок и утвари, что все население континента можно оделить.

Самый солидный густо покраснел, оказавшись в нравственном нокауте.

Кого же выбрать и как? Ситуация обострялась. Посыпались взаимные оскорбления, страшные разоблачения, секреты раскрывались, как ларчики, и... Вельзевул не выдержал. Он вышел из соседней комнаты.

— Ну, подобрали? — И его громовой голос, многократно отраженный малогабаритной комнатой, метнулся над сникшими друзьями. — Подобрали лишнего человека? Эх, вы! Разве в наше время есть лишние люди? — спросил Вельзевул и выдержал эффектную паузу.

— Нет! — страстно выкрикнул самый солидный.

— Правильно! У человека одна душа чего стоит! Он не может быть лишним. Вообще-то напрасно вы все волновались. Я если и ем, то только настоящих людей. А среди вас таких не оказалось.

М. ВИЛЕНСКИЙ,
специальный
корреспондент Крокодила

ЗАГАДКИ ОТВЕРГНУТЫХ ШЕДЕВРОВ

В семнадцатом номере «Крокодила» за прошлый год в фельетоне «Раздетые камнем» мы рассказали о странной и печальной судьбе двух огромных монументов, оптом, одновременно закупленных Предгорным райисполкомом. Покупки прикатили, после чего их навеки свалили в монументальную кучу под забором.

Тогда мы простодушно полагали, что описали казус, феномен, случай совершенно уникальный. А оказалось, что это вовсе никакой и не феномен, а обычная историйка, самый заурядный эпизодишко довольно распространенного явления.

Во многих наших сельских местностях годами лежат в унижительном забросе статуи историко-патриотического звучания. Бесформенные их груды оскорбляют глаз и душу, озадачивают разум...

В поисках ответов мы махнули за Кавказский хребет — в Тбилиси, в Худфонд ГССР.

Сразу оговоримся, с таким же основанием мы могли направиться в Худфонд Армении и в любую другую республиканскую кузницу шедевров. Ибо, пожалуй, ни один Худфонд не может похвастать, что его отношения с заказчиком пристокают исключительно по схеме «голубок и горлица». Тбилисский производственно-художественный комбинат мы избрали лишь потому, что именно он произвел на свет знакомые нам злосчастные изваяния, бесславно громоздящиеся в Предгорном районе.

— О да, безобразие жуткое! — подтвердил юриконсульт комбината Иван Петрович Даниленко. — Не устанавливают — это ладно, это их дело. Главное, за работу не платят. Авансик внесут, товар получат, а дальше — тишина. Совхоз № 17 Акалтынского района в Узбекистане назаказывал картин и скульптур на шестьдесят шесть тысяч, товар получил, денег не платит. Совхоз «Джетыгарин-

ский» Кустанайской области в Казахстане набрал худтовару на тридцать две тысячи и — как заколодило. Из овцесовхоза «Новоселовский» Ростовской области двадцать пять тысяч рублей за скульптуру клещами не вытаскиваем...

Иван Петрович переводит дух и частит дальше:

— Совхозы «Минераловодский», «Бештау», «Кавказский», Павлодарская сельхозстанция задолжа...

— Хватит, хватит! — прерываю я юриконсульта. И без того уже все было ясно. Но в отличие от худфондовского юриконсульта нас встревожили долги не денежные, а моральные. И мы с головой окунулись в загадку отвергнутых шедевров.

Начинается все раскрепосно — любовно и восторженно.

Непредосудительное худфондовское желание обеспечить своих мастеров интересной высокооплачиваемой работой бурливо сливается с

благородным стремлением районных руководителей одухотворить местные ландшафты творениями резца и кисти.

Перво-наперво из туманной дали материализуется разъездной агент Худфонда. Ох, зело речист и сладост этот коробейник прекрасного:

— Приобщим село к монументальному искусству... Ваятели и живописцы мирового класса... Париж, Монреаль — золотая медаль... Совхозный Лувр, колхозная Третьяковка...

И, движимый самыми светлыми чувствами, руководитель района принимается обзванивать совхозы, колхозы, птицефабрики, маслозаводы. Он рекомендует всем, всем, всем любить и жаловать залетного худфондовца. И вот в этом-то уравнительном «всем, всем, всем», в стремлении к формальному стопроцентному охвату кроется одна из причин будущих подзаборных напластований.

Простите за низкую прозу, но искусство требует жертв прежде всего финансовых. А картины и статуи, увы, далеко не всем желающим по карману. Некоторым хозяйствам, к сожалению, пока еще не статуи потребны, а субсидии.

Однако и в благополучных, процветающих хозяйствах сделки с Худфондом далеко не всегда завершаются «хэппи эндом». Возвышенную тягу к продуктам живописи и ваяния сельнин наш ощущает ничуть не слабее, чем горожанин. Однако иной заказчик терзается сомнениями, как гоголевский Подколесин перед женитьбой. Деньги-то у него есть, да ведь вообразить только — вместо шести картин можно еще один трактор К-701 прикупить, оранжевый, как апельсин, буйволице-красавец. Ах, как тут быть, что предпринять?

Но, уступая авторитетным рекомендациям («Надо, надо! Не хлебом единым...»), колеблющийся материально ответственный аграрий с неслышным миру кряхтением подписывает договор с Худфондом.

Но и коммивояжер отбивает не в полном ликования. В груди его плещется коктейль эмоций. Он рад удачной сделке, но тревожится, усидит ли местный благословитель договора до часа окончательной опла-

—Этот спектакль нам поставил один режиссер-новатор...

Рисунок
Ю. АНДРЕЕВА

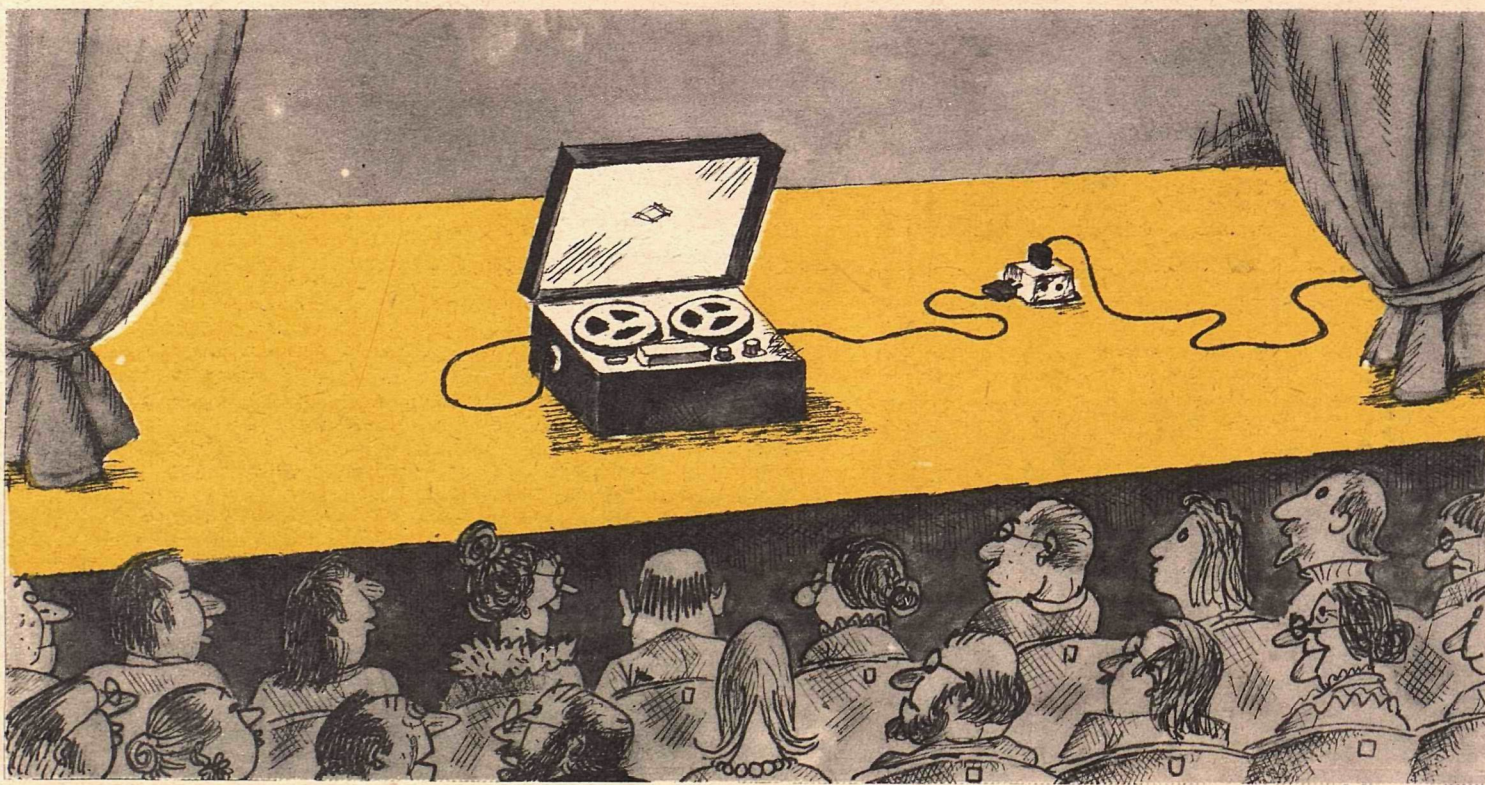

Рисунок В. СПЕЛЬН

ТАЛАНТЫ ПОКЛОННИКИ

препроводят под забор, на свалку. Но шедевральная пара, к счастью, не прибывает. Приходит заурядный пропыленный товарный вагон, а в нем худфондовские творения, в основном талантливые, но иногда, к сожалению, прослоенные сырыми плодами небрежной живописи и скороспелого ваiania.

Да, увы, увы, художники тоже без греха. Для сельского человека они порой работают по упрощенному методу — заочно, без выезда на натуру. Оттого потом и крикает досадливо заказчик, не обнаружив на полотнах точных примет родимого края, а в бетонных ликах с детства близких черт своих односельчан.

Вот строчки из заключения экспертов касательно статуй и картин, прикативших в совхоз № 17 Акалтынского района (Узбекистан):

«...Пейзажи, выполненные на местные темы (например, «Голодная степь сегодня»). Цена 2500 руб.), сделаны без изучения местных природных условий, хлопковое поле больше похоже на чайную плантацию, тополя на кипарисы, характер узбекистанских гор не изучен, то есть написаны горы вообще. Двухфигурная скульптура «Механизатор и хлопкороб» не отвечает этническому облику местных жителей» (читай: попросту не похожи на узбеков. — М. В.).

И вот что любопытно: от Акалтынского района до Ташкента путь раз в десять короче, чем до Тбилиси. А в Ташкенте, между прочим, тоже имеется Худфонд, свой, узбекистанский. И, надо полагать, ташкентские художники малость поближе, чем их тбилисские коллеги, знакомы с «этническим обликом» узбеков, хотя бы потому, что ежеутренне перед зеркальцем жужжат по этому облику электробритвой.

Почему же узбекистанский Худфонд не обслужил своих родных акалтынских хлопкоробов? А потому, что, покуда он дождался, когда заказ сам прикатит ему в ножки, динамичный гость сделал рывок и перехватил заказ. Однако игра на опережение хороша в футболе, в искусстве она приводит, как тонко выражаются эксперты, к искажению обликов людей, гор и деревьев...

Солидный заказчик, огорошенный браком, положит валидолину под язык, отдышится, а затем вызовет мастера на ковер — а ну-ка даровитый, знаменитый, доведите-ка свой товар до полной кондиции. И тот как миленький доводит. А вот заказчики Подколесины, наоборот, в душе даже радуются изъянам: есть повод не раскошелиться на все эти дорогостоящие холсты и фигуры, от которых ни телтя, ни молока. О довод-

ках-доработках они и слышать не хотят. «Все брак, все халтура! — ликуя объявляют они. — Договор недействителен, и свадьбе не бывать! Платить не будем! Адье, привет!» И, как голевский жених, выпрыгивают в окошко, уклоняясь от оплаты худтовара.

Между прочим, сиганувший в окошко надворный советник Подколесин был по-своему человеком строгих правил — он не запятнал себя последующим внебрачным сожителем с бывшей невестой своей Агафьей Тихоновной. Наш же сельский беглец, улетевший от законного «бракосочетания» с Худфондом, потом, глядишь, втихомолочку воздвиг на пьедестал неоплаченную статую (в казахстанском совхозе «Джетыгаринский», скажем) или вывесил на почетном месте отвергнутые портреты, нимало не смущаясь их бесплатным происхождением.

На птицефабрике «Бештаугорец», например, под медный оркестровый гром вручили двадцати четырем лучшим птицеводам их портреты работы тбилисских мастеров. Награжденные пунцовели от счастья, чего нельзя сказать о художниках в далеком Тбилиси: за двадцать четыре вполне добротных портрета им не заплатили ни копейки.

— Но ведь дарить людям чужое имущество, да еще под звуки фанфар безнравственно, — говорю я главному бухгалтеру птицефабрики Ляшенко. — Почему не заплатили художникам за их труд?

— Так договор-то заключал наш старый директор. При нем деньги перевести не успели, а новый директор к этим картинам непричастный...

Вы уж меня извините, любители упрощенных фельетонных схем, за то, что в рассказанных нами историях грешники обретаются по обе стороны барьера — и в когорте исполнителей и в стане покупателей, равно как и жертвы — среди тех и этих. Зато вывод один: должный порядок в развитии монументальной пропаганды на селе еще не наведен. А потому хочется под занавес пожелать всем ваяющим, рисующим, покупающим и рекомендуемым покупать:

— Друзья! Давайте все-таки не упускать из виду, что не квашеной капустой из бочки обзаведение происходит, а произведениями искусства. Поэтому будем особенно вдумчивы, тактичны и добросовестны. И тогда не ляжет горестный осадок под заборами и горький в душе.

Москва — Тбилиси — Ессентуки.

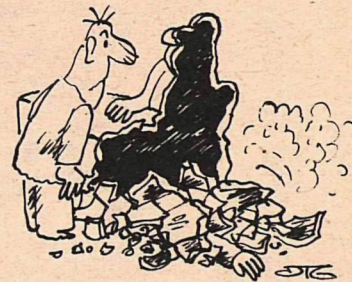
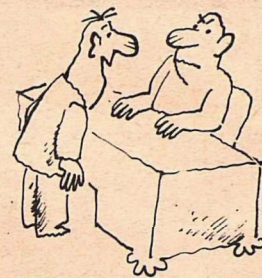

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

Андрей КАРАСЕВ
Сергей РЕВЗИН

ПУСТЯК В ОПРАВЕ

Очки — оптический прибор, И — всем известно это — Они же служат с давних пор Деталью туалета. Легко себя преобразит В красавца кто угодно, Как только на нос водрузит Очки в оправе модной. Оправа модная нужна! Кто с детства независлив, Теперь глаза тарачит на... Очки у интуристов. Еще бы, зависть нас берет И злость, признаться, гложет: Неужто сто очков вперед Другим мы дать не можем! Неужто для оправ у нас Сейчас красивых нет пластмасс, Нет у конструкторов голов И нет умельцев-мастеров! Мы не такие простаки, Не надо нам втирать очки. И без очков наверняка Мы видим ясно тему: Порой, увы, из пустяка Мы делаем проблему.

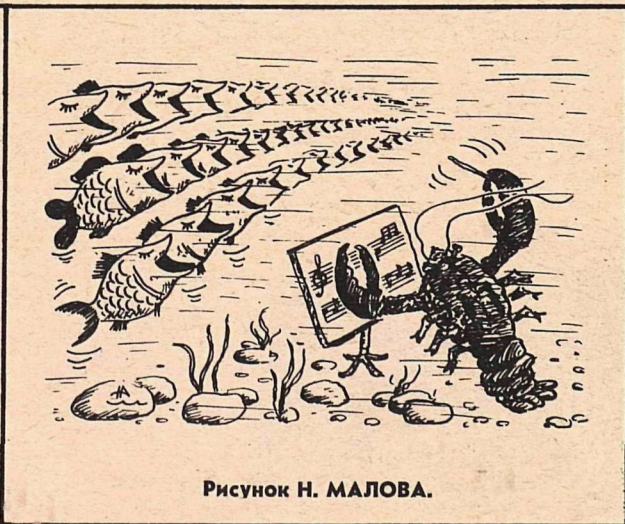
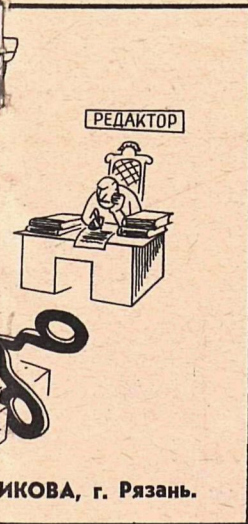

Рисунок Н. МАЛОВА.

Рисунок Н. КРУТИКОВА, г. Свердловск.

ИКОВА, г. Рязань.

1 ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

ак и десять лет назад, стюардесса сначала по-русски, а потом по-французски объявляет, что мы приближаемся к одной из самых романтических столиц мира.

Все невольно прикипают к окнам, словно перед ними тотчас же предстанут Д'Артаньян, королева Марго или на худой конец какой-нибудь из Людовиков.

— Париж! — повторяет проводница слегка рычаще и в нос, как настоящая француженка, хотя ясно, что она не настоящая француженка, а изучала французский на курсах в Шереметьево.

Несмотря на шереметьевское произношение, Париж все-таки возникает под слегка вибрирующим крылом. Как и десять лет назад, толчок, бе-

жит под колесами бетонная дорожка. Только раньше самолет останавливался посередине зеленого поля и первым, кто нас встречал, был суслик. Обыкновенный суслик, который, вероятно, родился и вырос на этом аэродромном поле и считал этот грохочущий мир вполне нормальным, а самолеты, по всей видимости, принимал просто за безвредных больших птиц.

Тогда нас везли к зданию аэропорта в больших, нарядных автобусах, мы встретили много стройных, профессионально, но все равно приятно улыбающихся девушек, одетых в синюю униформу, деловитых рабочих в комбинезонах и беретах, полицейских с деланно равнодушным, но на самом деле цепким взглядом.

Сейчас все было иначе. Мы не встретили ни единого человека. Просто самолет подрулил к стеклянной трубе нового аэропорта и эта труба прямо из кабины, без всякого трапа засосала нас всех в себя.

Я сделал шаг из кабины самолета в эту трубу, меня подхватил эска-

латор и понес куда-то вниз. Труба была тускло освещенной и почти пустой, только навстречу на другом эскалаторе двигалась тоже жиденькая цепочка молчаливых пассажиров... (Помните фильм «Высокий блондин в черном ботинке»? — это снималось здесь.)

Поворот, поворот, вниз, вверх... Никаких служащих, никаких указателей. Труба сама все знает. Труба выбрасывает тебя прямо туда, куда нужно: к пограничному лицу. Пограничное лицо прикладывает твой паспорт фотографией вниз к какому-то аппарату. Слышится жужжание. Это, наверно, означает, что я есть тот, кто есть, а не высокий блондин в черном ботинке или кто-либо другой. Все в порядке, месье, вы можете переступить границу Франции. Ваш багаж уже крутится на бесконечном конвейере. Вы вольны класть его на стоящую тут тележку и везти к выходу.

Правда, у выхода стоят лишь автомобили с дипломатическими номерами и такси. Прочие же простые смертные, если так можно сказать об автомобиле, загнаны глубоко под землю, на много-много этажей вниз. На обратном пути мне довелось посетить этот гараж-небоскреб. Сотни, тысячи автомобилей — и никого. Ни единой души. Только автоматы, берущие плату и дающие сдачу, автоматические лифты, мигающие таблички: есть места или нет. Мертвое царство, где автомобиль напрочь вытеснил человека...

Вся процедура — от приземления до выхода под морозящее парижское небо не занимает и двадцати минут. Конечно, удобно, быстро, элегантно, рационально, но все-таки было немного жалко и того суслика, и ярких автобусов, и толкотни старого аэропорта...

Интересна и немного грустна встреча с человеком, которого не видел десять лет. Ты узнаешь что-то знакомое и в то же время видишь, как безжалостное время наложило на него отпечаток, сделало все, что ему, времени, захотелось: что-то украсило (как идет вам седина!), что-то обезобразило (животик, животик, старина, животик...).

Еще больше интересна встреча с городами, в которых долго не был. Есть такой журналистский штамп: «Как изменилось лицо города, как оно помолодело!» Иногда, конечно, бывает и так. Но в большинстве случаев город не помолодел, а просто изменился. Просто был один город, а стал другим. Был городом, личностью, а стал жилым массивом, конвейерным производством.

Париж, к счастью, остался личностью. Париж остался Парижем. Как и десять лет назад: те же силуэты, те же перспективы (в Париже запрещен троллейбус, чтобы провода не «резали» небо, и вообще все провода спрятаны под землю), те же на-

звания улиц, а главное, осталась атмосфера. Это трудно передать словами. Здесь и безмолвие средневековья. Молчаливые, грустные дома смотрят в молчаливую, мутную Сену, которая столько видела, которая такая старая, но которая переживет и эти дома и, может быть, само время. («Сена — это вечность, месье.»)

Здесь и мрачная романтика французских революций. («Вот эти камни на мостовой, месье, из стен Бастилии», «Здесь, у этой мокрой стены, расстреляли коммунаров, месье...»).

А вот набережная, где живут герои Ренуара: надутые веселым ветром паруса шхун, превращенных в жилье, женщины стирают в Сене белье, мужчины в робах пьют из термосов кофе. («Здесь было его любимое местечко, месье...»)

Мрачное подземелье метро, голое, угрюмое, выпрыгивающие из тьмы поезда поднимают вихри конфетных оберток и пластмассовых стаканчиков. Это, конечно, место действия детektivов Сименона. («Вот там, месье, вчера зарезали человека.»)

Но все же изменения есть. Автомобили совсем завладели городом. Можно часами кружить по центру Парижа и не найти места для стоянки, хотя построены гигантские гаражи под парижскими площадями, зданиями; в пригородах стоянки повисли над улицами, как лесные ульи. Появился смог, чего десять лет назад не было и в помине.

Меньше стало рекламы. («Мы уже все знаем, месье. Фирм все меньше, месье, они объединяются, им реклама уже ни к чему.»)

Темнее улицы, почти не горят витрины, и в некоторых местах кажется, что ты заблудился в средневековье, и если бы не редкие торопливые джинсовые фигуры прохожих, то вполне можно было бы представить себе, что вот-вот из-за угла выйдет закованная в латы стража и потребует: «А ну, предьяви королевский пропуск!» («Энергетический кризис, месье...»)

Больше появилось кафе, бистро. Особенно бистро. Маленькая комнатка на два-три столика. Кружка пива, бокал вина, бутылка кока-колы, сосиски с горошком — вот и весь ассортимент. Хозяйка одновременно и за стойкой, и варит сосиски, и принимает товар, и сидит за кассой, и присматривает за своими ребятишками, играющими тут же, в бистро, или помогающими матери. На обед приходит муж с работы. Жена кормит его за столиком с посетителями. Посетителей немного, они все знают друг друга, обмениваются новостями за кружкой пива у стойки, иногда помогают хозяйке поднять какой-нибудь ящик. («Конечно, женщине тяжело, месье, но муж зарабатывает не много, у нас сейчас инфляция, месье, а бистро все-таки приработок, месье. В то же время это очень удобно, месье. Всегда найдется место поболтать с другом.»)

Евгений ДУБРОВИН,
специальный
корреспондент Крокодила

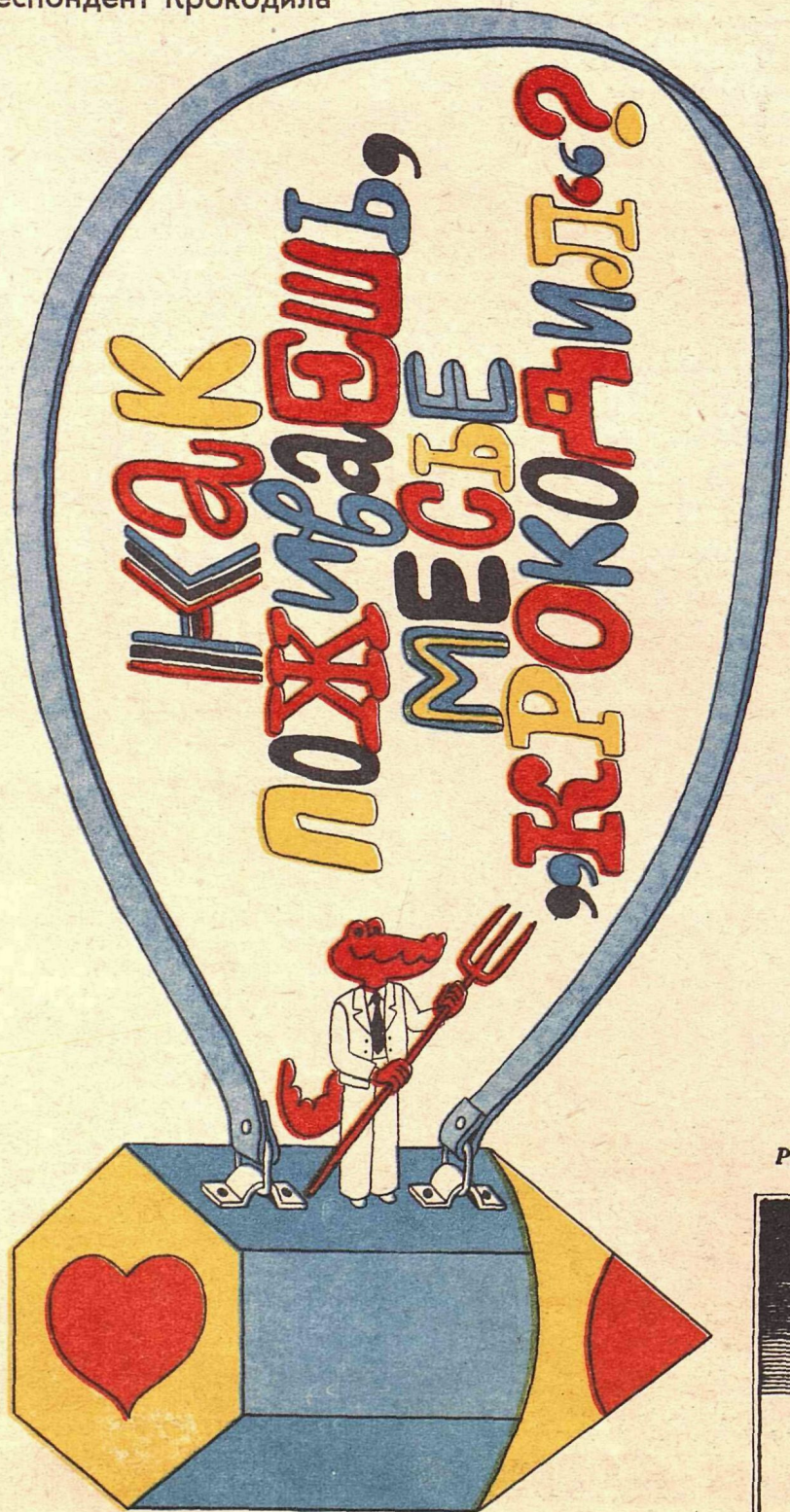
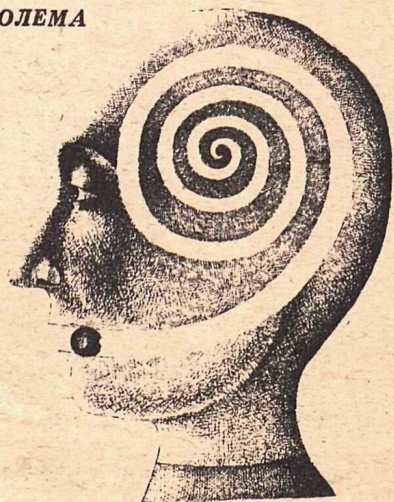
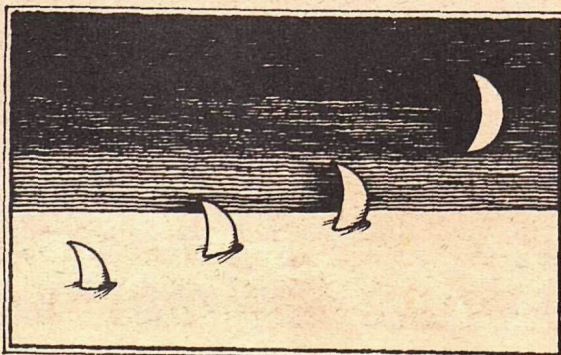

Рисунок ГЮЛЕМА

Рисунок ЛЯКРУ

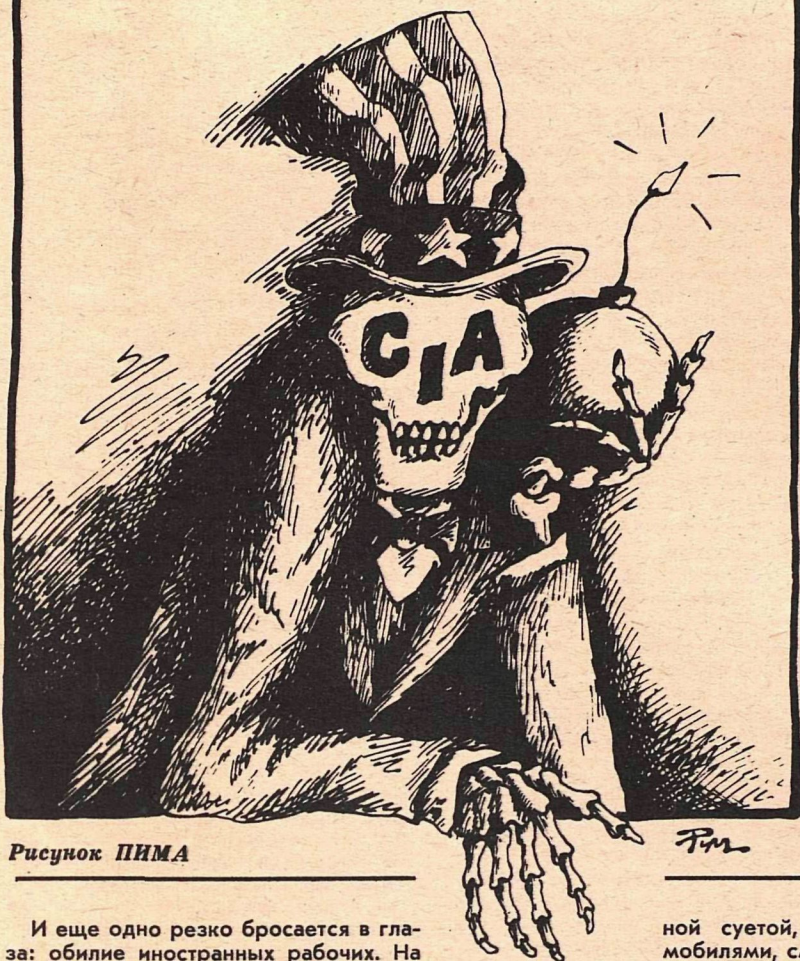

Рисунок ПИМА

И еще одно резко бросается в глаза: обилие иностранных рабочих. На самых грязных, тяжелых работах. Париж, не трогая своего внешнего облика, благоустраивается. В средневековые дома подводятся газ, канализация. Многие улицы разрыты, работают экскаваторы. Внутри канав и в кабинах экскаваторов почти одни черные, смуглые, желтые лица. Это негры, португальцы, малайцы... («Дешевая рабочая сила, месье. Очень выгодно. А прав у них никаких, поскольку они не наши, месье».)

Каждый дом — музей. Каждый дом — история. Идешь не спеша, рассматривая... Кажется, ты это уже много раз видел, побывал внутри, участвовал в событиях на этих улицах. Таково влияние книг, месье, живописи, посвященных Парижу.

И вдруг останавливаешься, говоря языком штампа, как громом пораженный. Перед тобой возникает нечто огромное, сразу необъятное глазом, настолько необычное, что кажется, что ты с ходу попал в какой-нибудь там антимир. Только потом начинаешь соображать, с чем бы это сравнить. В общем-то это гигантский прозрачный стеклянный куб, опутанный разноцветными трубами разных калибров. В кубе кишит человеческий муравейник, светят прожектора. Как бы охраняют эти циклопические сооружения не то несколько вытянутых гигантских голов черепах, не то перископы гигантских субмарин. Приглядевшись, поражаешься еще больше: в трубах тоже копошатся люди.

(«Это Национальный центр культуры имени Жоржа Помпиду, месье. Это наша достопримечательность, месье. Мы всю коммуникацию и эскалаторы, месье, вынесли наружу, зато внутри только стеклянная пустота. Конечно, непривычно, месье, но в свое время была непривычна и Эйфелева башня».)

Да, действительно непривычно. Это фантастическое сооружение, словно прилетевший из космоса корабль, повисло над Парижем, над его средневековым, над его современ-

ной суетой, автомобилями, снегом. Над головой лишь чистое небо в звездах...

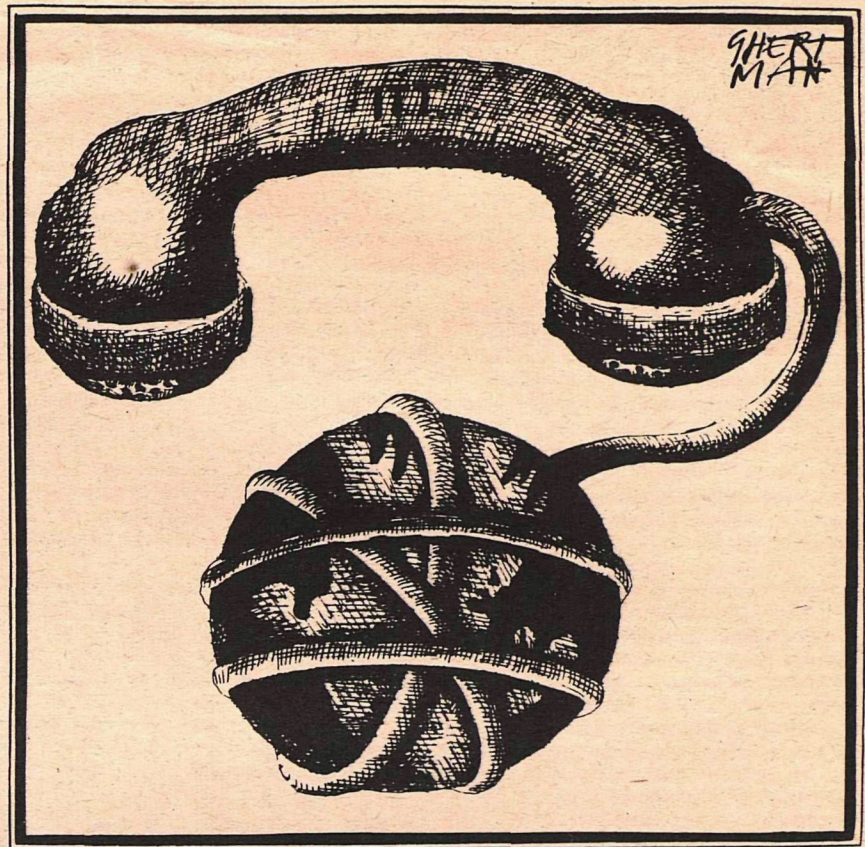
Об этом Центре — парижане его зовут просто дворец Бобур — много писали и спорили. Наш крокодильский художник Марк Абрамов даже нарисовал на него карикатуру, однако и жителям Парижа и туристам это нелепое сооружение нравится. Тысячные толпы устремляются к эскалаторам Бобура. В его огромных, светлых залах разместились различные выставки: скульптуры, графики, живописи, поп-искусства...

Кстати, десять лет назад этого, помоему, не было. Массового увлечения искусством. Именно массового. В Бобур втекают буквально реки людей. Большинство экспозиций можно посмотреть бесплатно, но на особо популярные надо покупать билет и отстоять очередь к автоматам, которые умеют отличить сегодняшний билет от вчерашнего, билет на эту выставку от билета на соседнюю и знают еще много других вещей.

Поражает обилие молодежи. Десять лет назад этого тоже не было. Десять лет назад молодежь больше «хипповала», лежала лохматая, полуоборванная в парках, играла на гитарах, пела однообразные мелодии на площадях, в метро... Сейчас она устремилась в Бобур. Кстати, там можно часами сидеть на лавочках, играть на гитаре, пить кофе...

2. О НАПИТКАХ КРЕПКИХ И НЕ ОЧЕНЬ

Каждый, кто приезжает из заграничной командировки, сразу получает комплект вопросов, начиная с общего: «Ну как там у них вообще?» — и до таких — «Ну как польки, шведки, англичанки?» и т. д. (В моем варианте: «Ну как там француженки? По-прежнему на уровне?» Ответу сразу: по-прежнему на уровне.)

Американский телефонно-телеграфный концерн ИТТ оказывает финансовую поддержку реакционным режимам во всем мире.

Рисунок ГЕРТМАНА

Где-то посередине этого комплекта вопросов обязательно прячется вопрос: «Пьяных видел?» Задают этот вопрос преимущественно женщины. И вполне понятно, ибо, говоря газетным языком, «количество употребляемого спиртного больше всего волнует хранительниц очага».

Да, пьют много. И за завтраком, и за обедом, и особенно за ужином. Преимущественно вино и пиво. («Крепкие напитки для нас нетрадиционны, месье, а главное, они очень дороги, месье».)

Крепкие напитки действительно дороги, рюмка водки равна по стоимости почти всему обеду.

— Пьют много, но пьяных нет, — отвечаю я на коварный женский вопрос.

— Почему? — допытываются женщины.

— Во-первых, напитки не крепкие (чуть было не написал «мадам»), во-вторых, созданы условия для пьющих.

— Что?! Созданы условия для пьющих?!

— Да. Созданы условия. В любую минуту, когда тебе понадобилось посидеть одному или с друзьями за кружкой пива или бокалом сухого вина, ты можешь зайти в бистро и сидеть там сколько угодно, одновременно утоляя голод нехитрым ассортиментом закусок...

— Да, но ведь для этого у нас...

Да, конечно, для этого надо что-то делать. Одно время были задуманы молодежные кафе, где можно было бы недорого и интересно провести время. Увы, скоро эти кафе превратились в довольно дорогие рестораны. Были так называемые «рюмочные», где рюмка водки продавалась обязательно с бутербродом. Однако и «рюмочные» закрылись как «рассадники пьянства». В другое время увлеклись сооружением винных автоматов, но в автоматы заливалось не сухое вино, а какой-то непонятный напиток под разными названиями, имеющий одно качество: он сразу и намертво валил с ног. Поэтому и винные автоматы закрылись как «рассадники пьянства».

Конечно, бороться с пьянством надо. Принятые меры по отношению к пьяницам суровы и правильны. Но ведь пьяниц по сравнению с нормальными людьми ничтожное меньшинство. Почему же из-за алкоголика должен страдать нормальный человек, который вынужден общаться с другом где-нибудь в сквере на скамейке, постоянно оглядываясь, не идет ли милиционер?

— Пусть общаются без бутылки, — жестко говорит строгая женщина. — Тогда им не страшен милиционер.

— Но лишь стакан сухого...

— Знаем мы эти сухие!

— Бутылка пива...

— Пусть пьют ситро!

Конечно, строгая женщина абсолютно права. Ситро полезнее любого спиртного напитка. Но, может быть, коль уж мы иногда пьем, не лучше ли дегустировать легкие напитки в «культурной обстановке»?.. Может быть, есть смысл подумать, как сделать так, чтобы без очереди, а главное — не тратя на поиски пристанища два-три часа, выпить с другом кружку пива и съесть бутерброд?

...Пьяного я все-таки видел. Он лежал на берегу Сены на каком-то дощатом настиле, накрывшись шляпой. А может быть, это был и не пьяный, а бездомный или просто больной человек. Дело не в этом. Меня поразила одна деталь. У нас, если лежит на улице человек, почти сразу же собирается небольшая толпа, преимущественно состоящая из женщин (кстати, парадокс: очень жестокое к пьяницам вообще, женщины сердобольны к конкретному пьянице). После короткого беспорядочного совещания кто-нибудь обязательно бежит звонить в «Скорую помощь» или в милицию. Здесь же люди равнодушно шли мимо человека, закрывшего свое лицо шляпой. («Одиночество, месье. Одиночество и безразличие друг к другу. Каждый сам за себя, месье...».)

Проблема общения. О ней много говорили потом французские знакомые, но лично сам я ощутил это в Крете.

3. НУ, БЕРЕГИСЬ, АВТОМОБИЛЬ!

Кретей — новый пригород Парижа. Но вообще-то, строго говоря, он не пригород. Он сам по себе. Он даже не город. Если кто знаком с работами французского архитектора Корбюзье (псевдоним Шарля Эдуарда Жаннера), то он получит лишь слабое представление о Кретее. Архитекторы пошли еще дальше.

Кретей — дом, в котором живет 65 тысяч человек. Но и слово «дом» неточное. Это скорее жилище, сошедшее с кадров фантастических фильмов. Здесь все необычно. Во-первых, город поднят над землей, над дорогами, над старым городом. Он повис в небе на трех уровнях. Здесь нет земли. Здесь только бетон и небо. Тротуаров нет, ибо по Кретее запрещено ездить на автомобиле, и ты можешь разгуливать по городу как тебе вздумается.

Пожалуй, это самое странное впечатление — отсутствие автомобилей. Они загнаны вниз, под город, там они рычат и чадят вовсю, но и газ и грохот почти не доносятся до города, вознесшегося в небо.

Здесь тихо. Потому что много площадей, лужаек (земля на бетоне), сквериков (врыты в бетон), фонтанов (много метров придется пробежать воде через бетон, чтобы взметнуться в небо). Людей почти не видно, ибо в Кретее нет промышленных предприятий, универмагов (лишь один торговый центр со всем необходимым). В Кретее не работают, здесь лишь живут.

Площадки обзора... Их много. Вот самая верхняя. С нее виден весь город. Странное нагромождение домов, непохожих на дома. Вот группа домов, напоминающих раскрывшиеся кочаны капусты... Вот ромб, вот квадрат, многоугольник, что-то пла-

но изгибающееся, наподобие лука... Несколько шагов в сторону... Какой-то люк, похожий на канализационный, — со страхом и недоверием делаешь несколько шагов вниз, и вот ты уже на другом уровне, и хотя вид тот же, но изменился угол зрения и город стал совсем неузнаваем.

По Кретее можно бродить очень долго...

Меня весьма заинтересовало отношение самих кретецев к своему городу-фантазии. Ответы прямо противоположные.

«Здесь можно отдохнуть от автомобиля, месье».

«Каменные джунгли, месье. Здесь непривычно и страшно, месье. Почти не увидишь человека».

«Сюда хорошо приезжать на воскресенье, месье. Отдохнуть от машин и людей. Кретей — это заповедник, где можно укрыться от цивилизации».

«Очень дорогие здесь квартиры, месье. Обычному человеку не по карману...»

«Конечно, двадцатый век есть двадцатый век, месье, но все-таки старый Париж есть старый Париж».

Так что же такое Кретей? Город будущего или неудавшийся эксперимент? Время покажет...

4. "ТАК ВЫ МОЖЕТЕ КРИТИКОВАТЬ САМИХ СЕБЯ?"

Именно в Кретее, в Центре культуры, открылась выставка рисунков крокодильских художников. Впрочем, слово «открылась» не то слово. Ее не удалось открыть по всем правилам — с разрезанием ленточки, с речью и прочими торжественными церемониями. Едва настал назначенный час, как толпа французских художни-

ков и просто любителей искусства устремилась к моему чемодану, где лежали работы знакомых нашим читателям крокодильских мастеров: Б. Ефимова, И. Семенова, А. Крылова, М. Абрамова, Н. Лисогорского, Ю. Черепанова, В. Ступина, К. Невлера и М. Ушаца, В. Жаринова, Г. Караваевой, Е. Милутки, В. Шкарбана, А. Алешичева, И. Норинского, В. Соловьева, Е. Горохова, В. Мохова, Е. Ведерникова, Ю. Узбякова.

Все хором потребовали немедленно открыть чемодан. Пришлось, признаюсь, но без тайного вздоха облегчения, отказаться от торжественного открытия и передать рисунки, так сказать, прямо из рук в руки. Рисунки тут же были разложены на сдвинутых столах, вокруг которых столпились люди, жестикулируя и обмениваясь впечатлениями.

Я же, который заготовил длинную торжественную речь, был просто-напросто забыт.

Но это произошло уже несколько часов спустя после приезда в Центр. До этого я внимательно осматривал культурный Центр и выставку художников из других стран. По сути дела, Центр похож на наш Дом культуры. Спортивный зал, плакатный бассейн, кинозал... Вот только необычны две комнаты: комната для самовыражения и гончарная комната.

Здесь были одни женщины. В комнате для самовыражения женщины трудились над своими автопортретами. Эти изображения были разные: из камня, ткани, семян растений, соломы; объединяло изображения лишь одно — произведение искусства были красивее их создательниц, хотя сами создательницы выглядели далеко не самыми уродливыми представительницами прекрасного пола. («Уж такова натура женщины, месье. Она во всем хочет быть красивее и изящней, чем есть на самом деле. Даже в зеркале, месье. Тут уж ничего не поделаешь, месье».)

В другой комнате женщины лепили всевозможные предметы домашнего обихода: блюда, чашки, пепельницы, тарелки, вазы... («Всегда приятнее, месье, когда вещь сделана своими руками. Тогда в ней чувствуешь тепло своих рук и стук сердца, месье».)

Я удивился, почему здесь только женщины. («Это как бы их клуб, месье. Здесь они общаются, отдыхают от работы, от семейных забот. Мужчинам ведь легче, месье. Они или за стойкой или на футболе, а женщина отдана сама себе. Вообще, месье, у нас проблема общения людей — проблема номер один. С каждым годом, месье, люди все больше отдаляются друг от друга. Особенно здесь, в Кретее. Здесь ведь лишь один бетон, месье... Вот люди и тянутся к нам в Центр, на огонек...»)

Да, действительно тянутся. Вдруг ввалилась большая группа школьников-подростков. Они устремились прямо к выставке карикатуры. Бородатый учитель принялся что-то объяснять, потом школьники приступили... к созданию юмористического журнала. Вся группа была разбита на несколько «редакций», и художники-профессионалы стали учить школьников принципам создания карикатуры.

Вскоре зал превратился в бурлящий котел. Мальчишки и девчонки фломастерами, споря и даже отталкивая друг друга, рисовали обложки «журналов», создавали «комиксы». Я заглянул в несколько листов. Вот пинком выброшенный из кресла шах Ирана... А вот кто-то знакомый с окровавленными руками. Да это же Пиночет! («Да, месье, карикатура очень популярна во Франции. И мы, прогрессивные художники, готовим себе смену, месье. Такие занятия проходят здесь ежедневно, и мы ведем их

бесплатно. Можно, они послушают и ваш рассказ?»)

— Конечно же!

Меня тянут сразу в разные стороны. «А это что?» «А что здесь нарисовано?» «Неужели это колхозник? Почему же он в униформе?» «Это комбинезоны». «Ах, спецодежда... А почему здесь нарисовано, что трактор затащили прямо в квартиру?» «Карикатура... Чтобы сберечь технику?» «Значит, колхозник бережет технику?» «Не всегда, поэтому мы и критикуем его». «Но зачем, ведь это не его собственность?» «Если он сбережет технику, то больше заработает». «Ах вот как, тогда понятно». «И все это вы напечатали?» «Да, вот подшивка журнала «Крокодил».

Странно смотреть на свою страну их глазами, глазами людей, которые почти ничего о нас не знают или получают, мягко говоря, не очень точную информацию.

Рассказываю о «Крокодиле», о том, что если мы критикуем, то должны быть приняты меры по устранению недостатков. Все поражены.

— Значит, вы можете критиковать не только нас, но и самих себя?

Теперь поражен я. Неужели у них так мало сведений о нас?

— Да, мы можем критиковать самих себя.

— И ваш журнал не закрытое издание?

— Нет. У него почти шесть миллионов экземпляров. Практически же его читает вся страна... У нас есть и другие сатирические издания.

— А мы думали, вы критикуете лишь капиталистов и диктаторов.

Теперь настала моя очередь спрашивать.

— Сами-то вы хоть раз видели «Крокодил»?

Молчание. Потом одинокий голос: «Я иногда вижу».

И еще десятки вопросов. Всяких: иронических и детски-наивных, но преимущественно жадных. Ведь это первая за многие годы встреча французских с советской сатирой. Кто-то произносит речь о пользе личных контактов. Организатор выставки Кристиан Давид тут же предлагает снять с наших работ копии и выставить в других городах Франции, он предлагает издать альбом, показать выставку в Национальном центре имени Жоржа Помпиду...

— А напечататься французским художникам в «Крокодиле» можно?

— А почему бы и нет?

— Посмотрите мои работы.

— И мои.

— У меня с собой альбом...

«Установление контактов» продолжается в ресторанчике «под старину», где все старое: шарманка, телефон, мебель, посуда. Только щеки моих новых друзей сияют молодостью сквозь традиционные «художественные» бороды.

Говорим о темах карикатур, о сюжетах, о комиксах (во Франции очень популярен комикс) и еще о многом другом, пьем терпкое вино... Расходимся почти под утро (не пьяные!), крепко жмем руки. («Поспите, месье. Завтра мы приведем на вашу выставку всех своих друзей».)

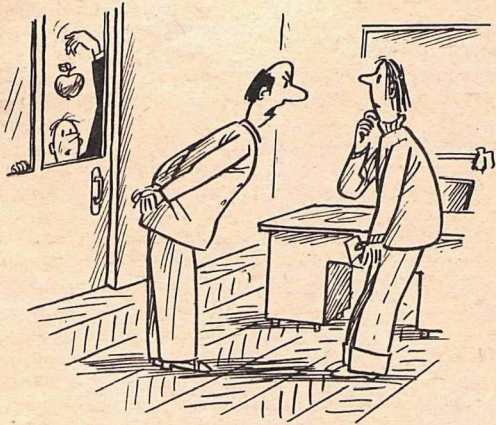
Но в ту ночь я так и не мог заснуть.

...По приезде домой я рассказал нашим художникам о поездке, об остром интересе французского к нашей стране. Крокодильские художники решили подарить выставку своих работ Посольству СССР во Франции. Теперь выставку смотрят тысячи французских.

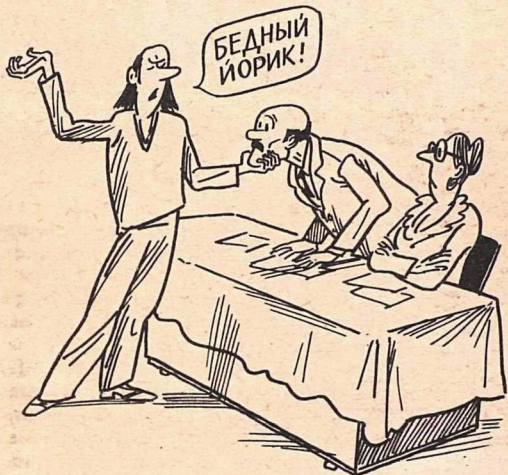
Недавно я получил открытку от одного из моих новых французских друзей. «Привет, месье «Крокодил», — было написано по-русски печатными буквами. — Как поживаешь?»

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ

— Ну, хотя бы что-нибудь о Ньютоне вы знаете?

В ТЕАТРАЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ

— Молодой человек, у вас странное представление о собеседовании.

Рисунок В. БОКОВНИ, г. Ленинград

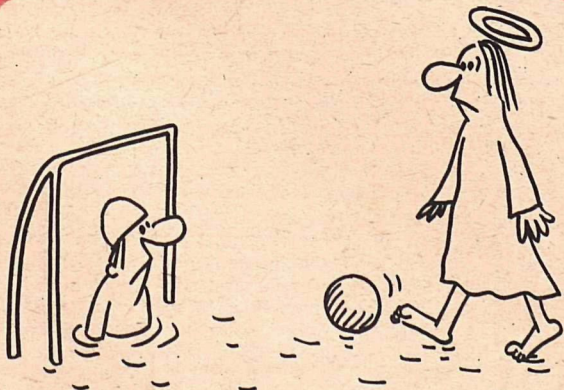

Рисунок Е. МИЛУТКИ

Моментальный загар

В режим сегодняшних обитателей ялтинского санатория Министерства обороны СССР входит ежедневное наблюдение за солнечным затмением. Находишься на месте отдыхающих великий Коперник, и он был бы в замешательстве от такого регулярного исчезновения светила среди бела дня!

Дело в том, что работники ялтинской санэпидемстанции, используя возможности своей кочегарки, проводят потрясающие опыты с солнцем. Причем, как это часто случается с увлекающимися натурами, они забывают земные служебные обязанности и никак не могут вспомнить о том, что именно им надлежит следить за чистой воздухом во вверенной их заботам местности.

Понятно, отдыхающие не одобряют дымовую завесу санэпидемстанции. А могли бы ведь и приспособиться! Сами подумайте, разве можно загореть под лучами скупого, уставшего от зимы солнца? А вот если встать с подветренной стороны, то немедленно покроешься первосортным загаром. И хотя этот загар не так уж стоек, но в любое время его можно восстановить, так как кочегарка работает без выходных.

Л. ЕМЕЛЬЯНОВА

Тяжелая брошка

Покупатель, оказывается, покупает брошку за милую душу. Хотя и не совсем добровольно: в наборе с томиком стихов Блока. Откуда следует, что поэзию Блока что-то роднит с брошкой.

К такому выводу пришла в городе Воткинске Удмуртской АССР местная газета «Ленинский путь». С одной стороны, в заметке «Блок с нагрузкой» она на третьей странице покритиковала местную «Союзпечать» за торговлю брошечными поэтическими комплектами. Из заметки мы узнаем, что «в ответ на возмущения покупателей киоскеры заявляют: «Для плана. Такое указание дано сверху».

С другой стороны, в том же номере, но уже на почетной первой странице воздается хвала местной «Союзпечати» — победителю городского соцсоревнования. По итогам четвертого квартала ей присудили первое место. Как вы догадываетесь, за перевыполнение плана.

Э. П.

— Жена пока еще не догадалась!

Рисунок С. СПАСКОГО

Рисунок В. КАЗАНЕВСКОГО, г. Киев.

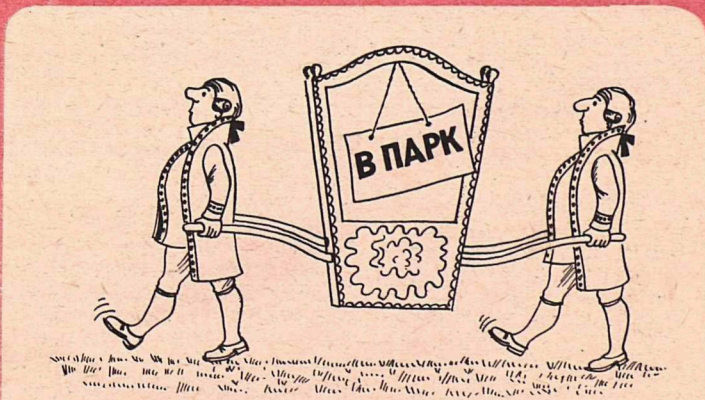

Рисунок С. ПЕТРОВА

ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЙЧИК

Дождь хлестал полосатыми струями, смывая с тротуаров зимнюю грязь.

По улице металась девочка лет восьми. В руках у нее была мокрая кофта и авоська с продуктами.

На тротуаре был кем-то нарисован зеленым мелком зайчик.

Дождь, наводя чистоту, смывал это веселое зеленое существо. Зайчик то улыбался, то хмурился, а дождь все равно смывал его.

Девочка, пытаясь спасти зайчика, делала из ног маленькую плотинку, укрывала своими ручками, а дождь все равно смывал зайчика.

Тогда девочка накрыла его кофтой, положила сверху авоську с продуктами и спряталась под навес витрины магазина...

«Наверное, зайчику тепло, и он уснет», — думала она.

Но потоки воды несли на кофту щепки, обрывки бумаги, сдвигая ее и превращая в грязный комок мусора.

Девочка выскочила из укрытия, подняла кофту и авоську; они о чем-то быстро поговорили с зайчиком, и она села на него, расправив вокруг ног мокрую юбку.

Дождь слезами тек по ее лицу, но глаза улыбались.

Она чувствовала тепло зайчика, чувствовала, как он, свернувшись калачиком, уткнул свой горячий нос в ее ножки и слегка подрагивает ушами.

Дождь кончился, в лужах запрыгали солнечные мотыльки. А девочка все сидела и сидела, ей было жаль будить зайчика. Но по тротуару теперь шагали взрослые тети и дяди, не замечая, они задевали девочку; она встала... А зайчика не было! Она не поверила, нагнулась и потрогала асфальт рукой... Зайчика не было! Был асфальт, лужи, взрослые тети и дяди, все куда-то шли... А зайчика не было!

Была мокрая кофта! Авоська с продуктами! А зайчика не было!..

И она пошла, загребая тфелками лужи, плечи ее вздрагивали, а по высохшему лицу текли слезы...

Закончив этот рассказ, я понес его довольно маститому писателю. Он долго и внимательно читал рукопись. Я, вжавшись в кресло, ждал приговора. Наконец, он поднял голову и долго, будто желая разгадать какую-то тайну, смотрел мне в глаза. И вдруг неожиданно спросил:

— Слушай, старик, а куда делся зайчик?

«Я пошел от стойки бара одеваться в раздевалку. В фойе была стеклянная перегородка. Говорят, я прошел сразу через нее, но я этого, к сожалению, не заметил. Стекло было прозрачное и чистое».

[Из объяснительной].
Прислал О. Химаныч,
г. Северодвинск.

«Доставка людей на выставку-продажу».

[Из справки к путевому листу].
Прислала Т. Титова,
Алтайский край.

«Продается пасека и пчеловодный инвентарь».

[Из объявления].
Прислал А. Перцев,
г. Курск.

«Кормушки в телятнике стоят возле стен, и корм телятам приходится задавать через зад».

[Из выступления].
Прислал П. Граненков,
Куньинский район,
Псковской области.

«Токарь Шумилов на работе сегодня был, но был он пьяный или нет, определить было нельзя, так как он стоял на ногах».

[Из докладной записки табельщицы].
Прислал П. Попов,
г. Бийск.

«Пошел с женой отдохнуть, как вдруг выскочил заяц и бросился на жену, тут я не выдержал».

[Из объяснительной браконьера].
Прислал В. Кузьмин,
г. Дудинка.

«Классный руководитель не работает с журналом. Ликвидировать к 23/ХII».

[Письменное замечание завуча].
Прислала Н. Тайсумова,
Чечено-Ингушская АССР.

Слова, слова...

Говорится обычно больше, чем делается, а делается больше, чем о том говорится вслух.

Византийская поговорка.

Лесть — это когда другому говорят то, что думают о себе.

Шутка люксембургских льстецов.

Непристойность может быть обнаружена в любой книге, кроме телефонного справочника.

Дж. Б. Шоу, английский драматург.

— Вы когда-нибудь раньше ездили верхом? — спрашивает тренер по верховой езде.

— Нет, никогда.

— Тогда вы получите лошадь, на которой тоже еще никогда не ездили. Таким образом, ваши шансы будут равными...

— Знаешь, — говорит один мальчик, — мой брат может пробежать стометровку за восемь секунд.

— Чепуха, — возражает ему приятель, — мировой рекорд в беге на сто метров — девять секунд!

— Ну и что же! Мой брат знает обходной путь!

Улыбки разных

Тристан БЕРНАР (Франция)

ЛЕЧЕНИЕ

Пусть невежды продолжают смеяться над медициной. Мы же с твердостью заявляем: еще никогда врачи не были так умелы, как сегодня! И вот вам конкретный пример.

Вы, конечно, знаете Симеона. Ну, того самого добродушного толстяка, который так мечтал похудеть. Еще бы, двести семьдесят фунтов собственного веса не так легко выдержать. Он прекрасно был осведомлен о моей дружбе почти со всеми светилами медицины Парижа и пришел ко мне с просьбой ему помочь. Это было года четыре назад. Я дал ему рекомендацию к доктору Белартуру, тот осмотрел его и прописал длительные прогулки — два часа утром и два часа вечером. Но у него стали болеть ноги, распухли лодыжки, и он совсем не мог передвигаться из-за нестерпимой боли.

Я порекомендовал его доктору Шитмеру, успешно лечившему подобные болезни с помощью грязевых ванн. Симеон посещал его в течение шести месяцев и полностью излечился. Как он мне был благодарен, сколько я услышал от него теплых слов! Он был бы совершенно счастлив, если бы в результате ежедневных ножных ванн его не мучила глубокая простуда! Излечить такой пустяк? Нет ничего легче! Я посоветовал направить его к доктору Шолла-мелю, и тот заявил, что простуда является результатом плохого кровообращения. При помощи электролечения он за три месяца вернул Симеону здоровье.

К несчастью, у Симеона в роду были нервные люди, и лечение электричеством усилило его раздражительность. У него появились припадки. Я сказал ему:

— Старина! Этого так оставить нельзя. Пойди к доктору Ланглевету и покажись ему. Он вылечит тебя мановением руки.

Ланглевет прописал ему бром. Бром очень помогает при нервных болезнях, если его принимают стро-

го по назначению врача. Симеон скрупулезно следовал указаниям доктора, и очень скоро, через полгода, нервные припадки окончательно исчезли. Мой друг вернулся к нормальной жизни.

Но настроение его не стало лучше. И вот почему: бром, принимаемый в течение продолжительного времени, способен полностью испортить желудок. В таких случаях колебаться нельзя, и я отправил его к профессору Бирадову. Тот посадил Симеона на строжайшую диету: очень мало мяса, мало вина, воды, как можно больше пюре из горошка, пюре из картофеля, пюре из бобов — короче, как можно больше крахмала. И за сезон Симеон полностью поправился. Я встретил его, когда он, сияя от счастья, пытался подняться ко мне, чтобы поблагодарить за все. Я говорю «пытался», потому что он с трудом переставлял ноги, так как стал безобразно толст. Черт возьми, зачем есть столько мучного! Он весил теперь не менее трехсот двадцати фунтов. Это было уже слишком!

— Дружище, — сказал я, — тебе нужно похудеть!

— Нет, — сказал он, — если я попытаюсь похудеть, меня снова заставят ходить, ноги мои снова опухнут и...

— Но ведь есть и другие средства похудеть, не обязательно ходить. Завтра мы пойдем к доктору Лереншери, одному из моих лучших друзей!

Лереншери прописал конный спорт.

— Мой друг, — сказал он Симеону. — Недостаточно взять какую-нибудь клячу на манеже и делать легкие прогулки, скажем, по лесу. Надо выбрать настоящую, почти дикую лошадь. Она-то заставит вас похудеть!

Симеону выбрали почти не объезженную лошадь, и он стал упражняться. И представьте себе: не прошло и четырех месяцев, как он сбросил целых три фунта живого веса. И Симеон наверняка сбросил бы еще десяток, если бы его самого не сбросила лошадь. С переломанным бедром бедняга пролежал в гипсе четыре месяца и еще более чудовищно располнел. Но медицина тут не виновата. Она сделала все, что смогла. Виновата только лошадь.

Перевел К. ВАЛЕРИ

«Прошу установить мне телефон, чтобы мой муж мог меня контролировать, когда работает во 2-ю смену, так как он очень ревнивый».

[Из заявления].
Прислал М. Анахин,
г. Армавир.

«Ковры и дорожки машинного производства нельзя чистить пылесосом и жесткими щетками в течение первых шести месяцев их эксплуатации, так как вопрос должен быть сперва утоптан».

[Из инструкции к коврику Кайрак-кумского коврового комбината].
Прислали 16 читателей.

«Граждане, умершие дома, а не в больнице, сами должны обращаться в лечебные учреждения за справкой о смерти. Горзагс не обязан ходить, выявлять умерших на дому».

[Из письменного показания заведующей загсом].
Прислал А. Камалов,
Дагестанская АССР.

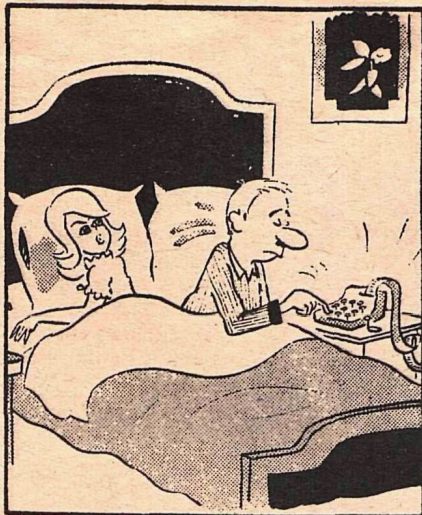
«У граждан с ярлыками и детей посуда не принимается».

Прислала В. Карамушка,
Харьковская область.

«Уважаемые товарищи пассажиры! Просьба не сорить, не курить, не ложиться на диваны, пользуйтесь автоматическими номерами хранения».

Объявление
по вокзальному радио.
Прислал А. Жуйков,
г. Воткинск.

ВЫБОР ПРОФЕССИИ

— Меня раздражает твоя манера считать овец, чтобы заснуть!..
«Франс-диманш» (Франция)

широт

Один модный парижский врач снискал себе огромную популярность среди пациентов, внушая им, что все их болезни выдумка. Однажды он был приглашен к крупному финансисту, секретарь которого принял его и сказал:

— Шеф очень тяжело болен.
— Не верю,— сказал доктор,— он только думает, что болен.

Выписав рецепт, доктор сказал, что наведается через несколько дней. Придя снова, он поинтересовался у секретаря:

— Ну, как себя чувствует ваш шеф сегодня?

— Ничего особенного, только он думает, что уже умер...

Мичко — единственный сыночек, новоиспеченный студент — молча стоял у притоки. Всего десять дней пробыл он в Белграде, а мать и отец смотрели на него, словно он вернулся с охоты на крокодила.

— Никак не мог я раньше приехать,— начал оправдываться Мичко.— Пока заявление подавал, пока комнату искал, пока туда-сюда...

— Вот этого-то я больше всего и опасался! — буркнул отец.

— Чего этого?

— А вот этого самого «туда-сюда»! Радомир, сынок нашего соседа, поехал в Белград, год — туда, год — сюда, а сейчас вместо того, чтобы учиться, уголь грузит! Ну, ладно. На какой факультет поступил?

Мичко с трудом уместился на своем бывшем детском стульчике и начал:

— Еду я, значит, в поезде...

— Подожди, сынуленька,— прервала его мама,— выпей сначала молочка. Смотри, как похудел, пожелтел... Вот так... Ну, значит, едешь ты...

Мичко спихнул с колен угнездившегося там жирного кота.

— Еду я и размышляю... Вот, думаю, хорошо бы поступить на машиностроительный... И вдруг вспомнился мне дядюшка Войя, инженер-машиностроитель... Сколько уж лет мучается астмой...

Отец закашлялся, будто и в нем грудная жаба запырнула:

— Слушай, Мичко, но ведь не от машиностроения у Войи астма-то!

— Все может быть,— вздохнула мама.— Кто его знает! В журнале «Здоровье» каждый раз пишут, что лучше болезнь предупредить, чем потом лечить!

Мичко утвердительно кивнул головой и продолжал:

— Думаю я об этом, вдруг в вагон входит Даца Симич, мой одноклассник. Давай, говорит, подадим-

ся на экономический! Работа, говорит, у экономистов не пыльная, оплачивается дай боже! Да и учиться вместе нам будет легче... Я подумал и согласился. Но только мы вышли в Белграде на перрон, слышу, газетчик кричит: «Бухгалтер три года подряд обворовывал предприятие! Экономист на скамье подсудимых!»

— Тут ты, сыночек, и передумал? — прервал его отец.

— А как же, батя?!

— И решил подать заявление на строительный!

— А ты откуда знаешь?

— Да уж, наверно, пришел тебе на ум мамин брат — строитель!

— Ну что ты не даешь мальчику слова вымолвить! — возмутилась мама.— Рассказывай, радость моя!

— Подумал я, что и электромеханический факультет стоит внимания... Пошел туда, заполнил все анкеты, встал в очередь на подачу заявления. А передо мной девушка стоит... Да ну что ты, батя, ехидно улыбаешься? Обыкновенная девушка. Стоит и газету читает. Глянул я через ее плечо, а в газете на всю страницу заголовок: «Электрическим током убило молодого инженера!»

— Господи, страсти какие! — воскликнула мама.

— И ты, сынок,— сказал отец, вытирая вспотевшую лысину,— решил податься в монахи!

— А вот и не угадал! Вспомнил я о судьбе экономиста и решил, что куда лучше сидеть не на скамье подсудимых, а, так сказать, по ту сторону барьера! Отправился я на юридический. Прихожу туда, а там снова в очереди передо мной та же девушка... Комнаты мы тоже рядом сняли... Не понимаю, батя, почему ты за валидолом пошел?

— Так подал ты заявление куда-нибудь или нет? — крикнул отец.

— Да, батя. В загс... с той девушкой...

Перевела В. САМСОНОВА

— Помните,— сказал профессор,— человек должен познавать самого себя.

— Разумеется,— ответил студент,— но ведь за это время можно было бы завязать немало более приятных знакомств.

— Рядовой Свессон! Это вы сказали в разговоре с сержантом, что ваш майор идиот!

— Никак нет, господин полковник! Я знаю, что военную тайну разглашать нельзя.

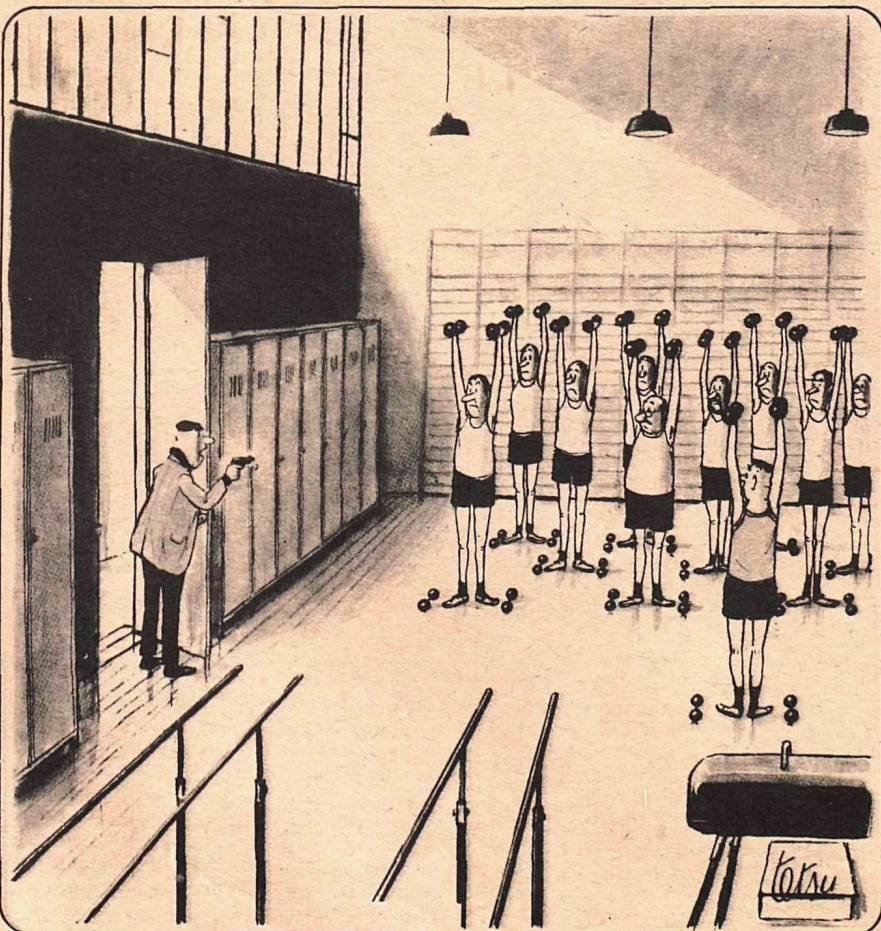
— Давай деньги и не вздумай шуметь! — сказал грабитель.

— Действуйте! Я ничего не имею против того, чтобы быть ограбленным, но вам придется грабить в кредит: у меня нет ни цента.

— Ты знаешь, я читала, что страус очень плохо видит, а его желудок может переварить все что угодно.

— Ах, какой бы это был замечательный муж!

Мать говорит дочери: — Этот твой поклонник мне так противен, что я с удовольствием стала бы его тещей!

— Не двигайтесь!

«Жур де Франс» (Франция)

КРОКОДИЛ

№ 15 (2277)

май

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы этого номера придумали: Ю. Андреев, В. Безбородов, В. Боновля, М. Вайсборд, Р. Друнман, В. Казаневский, Н. Крутиков, В. Куликов, Н. Малов, Е. Милутка, В. Мохов, И. Норинский, С. Петров, В. Спельников, О. Теслер, Ю. Черепанов.

НАШ АДРЕС:

101455,

Москва, ГСП,

Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86

253-34-37

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)

А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)

Г. О. МАРЧИК
(зам. главного редактора)

И. М. СЕМЕНОВ
С. Г. СЕМЕНОВ
М. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
(ответственный секретарь)

Технический редактор
В. Г. МОЧАЛОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 23.04.79.
Подписано к печати 03.05.79.
А. 07854. Формат бумаги
70×108/16. Offsetная печать.
Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л.
4,54. Тираж 5 850 000 экз.
(1-й завод: 1 — 3 647 250).
Изд. № 1263. Заказ № 597.
© Издательство «Правда»,
«Крокодил», 1979 г.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865,
Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

С целью запугать членов ОПЕК—организации стран—экспортеров нефти США наращивают свое военно-морское присутствие в районе Аравийского полуострова.

25700

Непрошенный ОПЕКун

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

КРОКОДИЛ

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Индекс 70448

Цена номера 20 коп.